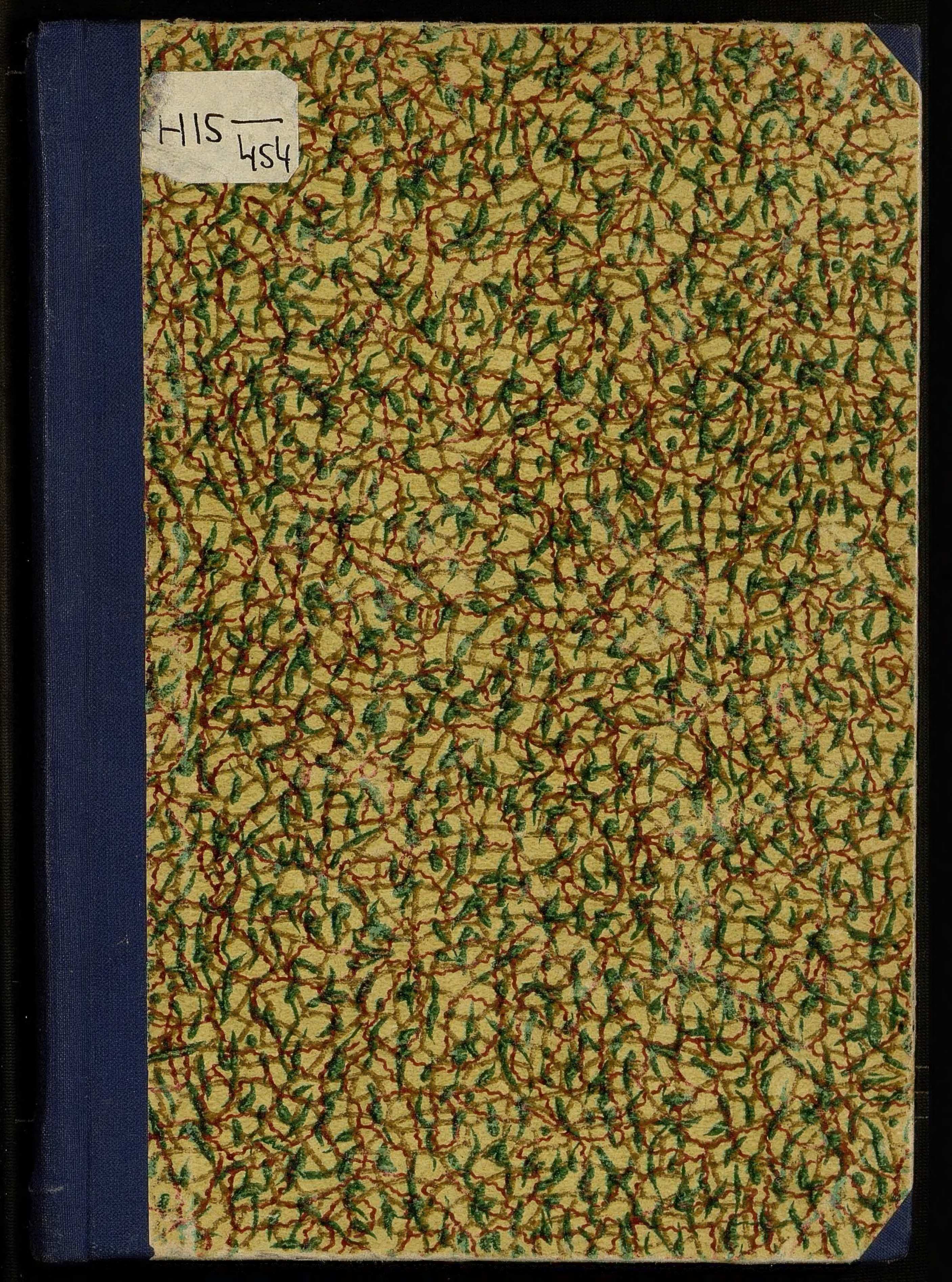
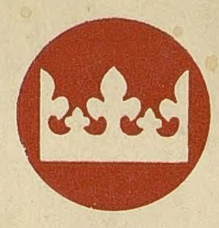
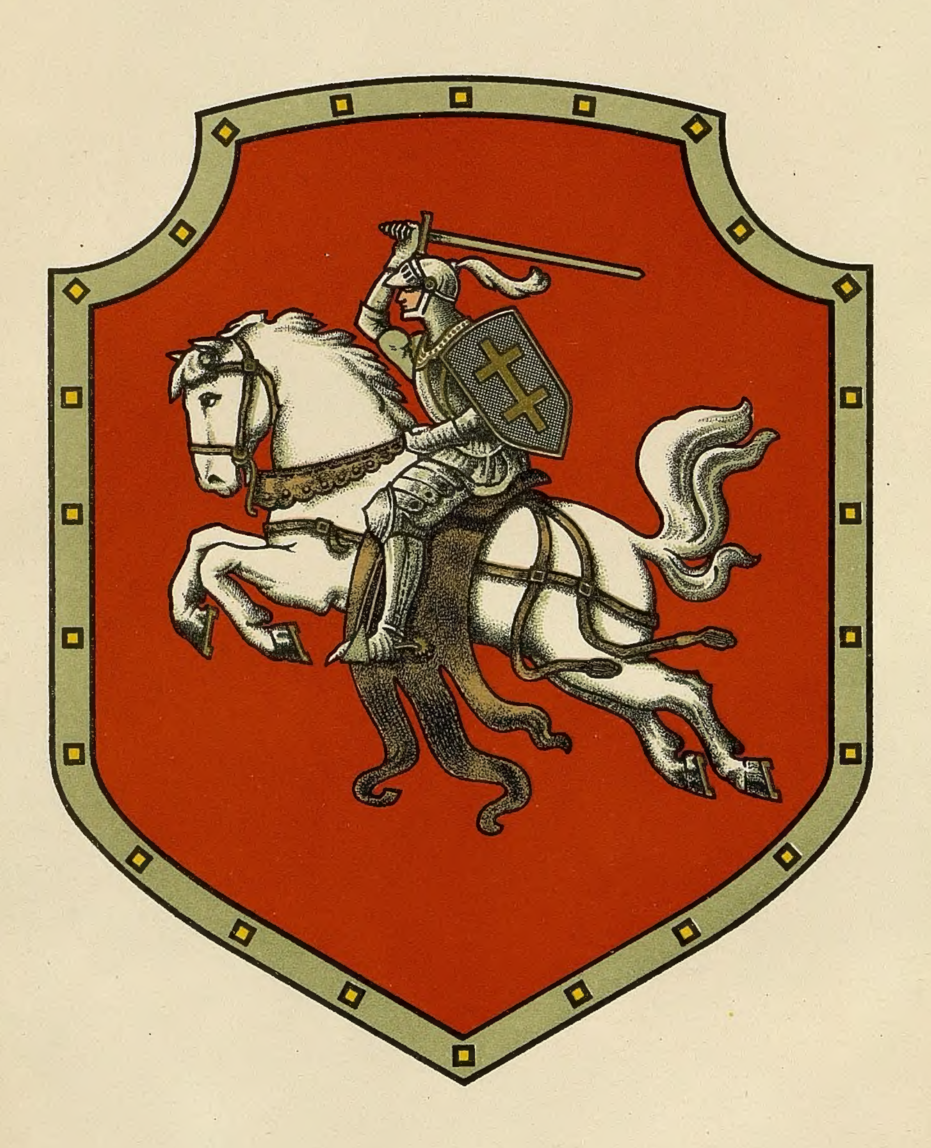

І. КОРЧИНСКІЙ

ВИТОВТЪ ВЕЛИКІЙ

Государственный гербъ Литвы.

АНТАНАСЪ СМЕТОНА,

Глава Литовскаго Государства, первый и теперешнiй Президентъ Литовской Республики.

ВИТОВТЪ ВЕЛИКІЙ

Supremus Lithuaniae Dux

І. КОРЧИНСКІЙ

ВИТОВТЪ ВЕЛИКІЙ

Supremus Lithuaniae Dux

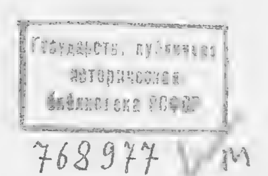
Бѣглый обзоръ жизни его и дѣятельности

1430—1930

Посильный трудъ въ славную память Витовта Великаго по случаю 500 - лѣтія со дня его смерти

Каунасъ
Типографія Акц. Об-ва „Spindulys“
1930

20 % чистой прибыли отъ настоящаго изданія жертвуется на усиленіе средствъ для постройки памятника Витовту Великому въ Каунасѣ.

* * *

Говорятъ, что описать современную выдающуюся человѣческую личность — дѣло нелегкое; еще труднѣе даются біографическіе труды о великихъ людяхъ старшей эпохи печатнаго слова, но совсѣмъ туго приходится при попыткѣ нарисовать портретъ даже сильнѣйшихъ міра сего до-печатнаго времени.

По-моему недостаточно разбираемую жизнь понять, въ массѣ противорѣчивыхъ источниковъ разобраться, со своей точки зрѣнія ихъ оцѣнить и съ надлежащей объективностью всю картину выявить...

Здѣсь прямо необходимо жизненный процессъ проявляемой личности самому перечувствовать, и тогда лишь картина станетъ всѣмъ понятной, цѣльной и красочной!

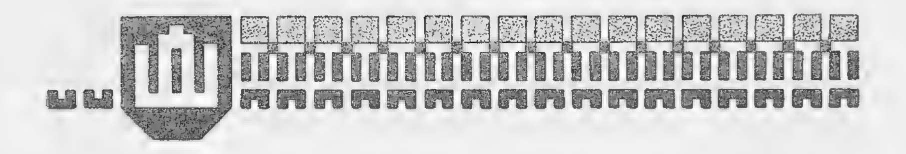
Нѣчто похожее переживаешь читая краткій, но богатый источниками, трудъ глубокоуважаемаго отца Іоанна Корчинскаго о Витовтѣ Великомъ... Дай Богъ, чтобы всѣ теперешніе и будущіе историки такъ четко и, главное, сердечно описывали жизнь нашего геніальнаго политика и полководца.

Намъ, литовцамъ, очень пріятно, что теперешніе русскіе люди, благодаря отцу Іоанну, ближе и сердечнѣе ознакомятся съ нимъ на своемъ родномъ языкѣ, однако полагаю, что и многіе изъ насъ самихъ будутъ благодарны автору за эти историческія строки: вѣдь онѣ вполнѣ заслужили войти въ національную сокровищницу памяти нашего великаго мужа (см. „Заключеніе“).

Со своей стороны я искренне желалъ бы, чтобы этотъ трудъ послужилъ предтечею къ тому дню, когда наша почти 500 лѣтъ глубоко спавшая и теперь возродившаяся страна своими естественными границами физически соприкоснется съ свободнымъ мило-сосѣдскимъ русскимъ народомъ.

Полагаю, что послѣ этого бабуткѣ-исторіи не придется повторяться, и большіе и меньшіе люди-братья свободно и смѣло двинутся по новымъ, доселѣ еще неизслѣдованнымъ, путямъ вѣчно-красочнаго прогресса и глубоко-человѣческой культуры.

Ст. Заскявичюсъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Рожденіе Витовта и его молодость до смерти Кестута.

Витовтъ Великій былъ родной внукъ знаменитаго Великаго Князя Литовскаго Гедимина, давшаго свое имя Литовской династіи и создавшаго величіе и славу Великаго Княжества Литовскаго.

Родителями Витовта были — знаменитый отвагой и благородствомъ духа сынъ Гедимина Кеступъ и славная въ исторіи Литвы Бирута, бывшая вайделотка при храмѣ богини Праурымы въ Палангѣ. О первой встрѣчѣ Кестута и Бируты сохранилась красивая легенда. Однажды князь Кестутъ, во время охоты, ѣхалъ по берегу моря возлѣ Паланги на сѣромъ конѣ въ блестящихъ рыцарскихъ доспѣхахъ. Съ одной стороны раздавался неумолкающій гулъ волнующагося Балтійскаго моря, съ другой — печально шумѣлъ вѣковѣчный зеленый лѣсъ.

Кестутъ съ любовью посматривалъ то на море, то на лѣсъ, и съ грустью раздумывалъ о тяжкой судьбѣ жмудиновъ. Погруженный въ свои мысли онъ ничего не замѣчалъ вокругъ. На встрѣчу ему шла несказанной красоты молодая дѣвушка. Высокая и стройная, какъ молодая березка, она одѣта была въ короткую тунику и бѣлую, какъ снѣгъ, рубашку. На свѣтлыхъ пышныхъ волосахъ ея головы зеленѣлъ вѣнокъ изъ руты, на бѣлой шеѣ висѣло янтарное ожерелье, большіе голубые глаза блестѣли на ея прекрасномъ личикѣ.

Кестутъ, увидя такую красоту, остановилъ коня и стоялъ на мѣстѣ очарованный, не имѣя силъ отвести глаза отъ этого чудеснаго зрѣлища. Это была Бирута, жмудинка, вайделотка изъ Паланги. Увидя величественнаго витязя, не

сводящаго глазъ съ нея, дѣвушка застыдилась и испугалась. Князь, соскочивши съ коня, подошелъ къ ней, взялъ ее за руки и сказалъ: „Не знаю, кто ты, — богиня-ли съ неба или дѣвушка. Если ты дѣвушка, будь моей женой. Я Жмудскій князь, но съ этого времени буду вѣрнѣйшимъ тебѣ мужемъ и слугой“.

Бирута покраснѣла, какъ роза, и очень растроганная сказала: „Даже если-бъ я и хотѣла, то не могу исполнить твою волю, князь: я вайделотка, я дала обѣтъ Перкуну не имѣть мужа“.

Князь Кестутъ не смутился словами дѣвушки. Онъ увезъ ее въ Троки и женился на ней. Любя другъ друга, счастливо жили они въ Трокахъ, но Бирута не могла забыть родной Паланги, шумящаго моря и песчаныхъ его береговъ. Кестутъ, видя это, устроилъ въ Палангѣ на горѣ красивый замокъ, гдѣ Бирута часто проживала, слушая гулъ любимаго моря. Эта гора и прозвана горой Бируты.

У счастливыхъ супруговъ родилось шесть сыновей и четыре дочери. Имена сыновей: Бутавтъ, Патрикій, Войдатъ, Витовтъ, Зигмундъ и Токвилъ. Славнѣйшимъ изъ нихъ былъ Витовтъ, великій князь Литовскій. Патрикій, Войдатъ и Токвилъ умерли въ молодыхъ годахъ, изъ нихъ Токвилъ, въ крещеніи Конрадъ, убитъ въ бояхъ подъ Вильной въ 1390 г.

Имена сестеръ Витовта Великаго: Марія была замужемъ за Тверскимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ; Данута-Марія за княземъ Мазовецкимъ Янушемъ; Рингала въ 1391 году вышла замужъ за князя Генриха Мазовецкаго, который вскорѣ былъ убитъ, и Рингала вышла замужъ за Молдавскаго воеводу; четвертая сестра — неизвѣстная по имени — была женой Штеттинскаго — Поморскаго князя Казиміра („Витовтъ и его политика“, Барбашевъ, стр. 19, 20; Stadnicki K.: „Olgerd i Keistut“, стр. 206; Narbut: „Dzieje Narodu Litewskiego“, t. V. p. 302; Długosz: „Historia Poloniae“, t. X., p. 405).

Дата рожденія Витовта Великаго пріурочивается къ 1350 году, такъ какъ въ нѣмецкомъ: „Scriptores rerum Prussicarum“, ed. Hirsch, Töppen, Strelke, сказано, что въ битвѣ съ крестоносцами у рѣки Рудавы въ 1370 г. участвовали:

Витовтъ 20 лѣтъ и Ягайло 22 лѣтъ. А Кромеръ въ своей „Polonia“ 1589 года на стр. 300 отмѣчаетъ, что въ 1430 году „Vitold spiritum exhalavit, cum 80 annum excessisset, т. е., что въ 1430 г. Витовтъ умеръ, когда ему было свыше 80 лѣтъ.

Длугошъ-же въ „Historia Poloniae“, t. X. p. 364 говоритъ подъ 1428 годомъ, т. е. за два года до смерти Витовта, что уже тогда Витовтъ „octodecimum annum jam supergressus“, т. е. перешелъ за 80-й годъ. Слѣдовательно по Длугошу Витовтъ родился не позднѣе 1348 года. Дм. Бантышъ-Каменскій въ „Исторіи Малой Руси“ говоритъ, что Витовтъ умеръ на 86 году жизни; слѣдовательно годъ его рожденія отодвигается на 1345 годъ.

Воинственный Кестутъ съ раннихъ лѣтъ воспитывалъ въ любимомъ сынѣ воинственный духъ и пріучалъ его къ зрѣлищу битвъ, звону мечей и пѣнію стрѣлъ. Есть извѣстія, что еще въ 1363 и въ 1365 годахъ Витовтъ сопровождалъ отца своего въ походахъ.

Первый разъ на страницахъ исторіи упоминается имя Витовта подъ 1368 годомъ, когда Витовту было 18-20 лѣтъ, — это уже воинъ, участникъ похода Кестута на Москву.

Въ 1375 году Кестутъ выдѣляетъ Витовту часть своего Троцкаго Княжества между р. Нѣманомъ и Бугомъ съ городами: Гродной, Дрогичиномъ, Мельникомъ, Брестомъ, Каменцомъ, частью Пинско-Волынскаго Полѣсья на юго-востокѣ и пограничными землями съ Прусскимъ орденомъ Крестоносцевъ на сѣверо-западѣ съ городомъ Меречью (Merkinė). Такимъ образомъ испытанный въ борьбѣ съ крестоносцами, старый богатырь Кестутъ на стражѣ Литвы отъ Польши и отъ Тевтонскаго Ордена ставитъ молодого витязя любимаго сына своего Витовта.

Въ 1376 году *Князь Гродненскій* Витовтъ Кестутьевичъ участвуетъ въ набѣгѣ на Польшу („Полное Собраніе Русск. Лѣтописей“, VIII, 15; Długosz „Historia Poloniae“, X, 367).

Въ 1377 году князь Гродненскій Витовтъ предпринимаетъ походъ въ Пруссію (Długosz „Hist. Pol“, X, 375). Въ 1377 году 18 ноября (по лѣтописи „въ день Романа и Давида“) умеръ Великій князь Литовскій Ольгердъ (Algirdas).

Еще при жизни Ольгерда, между жившими въ дружбѣ и согласіи братьями Ольгердомъ и Кестутомъ состоялось соглашеніе, что по смерти Ольгерда наслѣдуетъ ему сынъ его Ягайла, а по смерти Кестута мѣсто его займетъ сынъ Кестута Витовтъ.

Хотя по смерти Ольгерда могущественнѣйшимъ изъ князей Литовскихъ оставался Кестутъ, но вѣрный данному обѣщанію благородный Кестутъ поддержалъ кандидатуру Ягайлы, и Ягайла сталъ Великимъ Княземъ Литовскимъ. Кестутъ и послѣ этого поддерживалъ Ягайлу, какъ Великаго Князя, подавая примѣръ другимъ князьямъ—Ольгердовичамъ, не особенно расположеннымъ оказывать послушаніе своему брату (Любавскій „Очеркъ Исторіи Литовско-Русскаго Госуд.“ гл. 8, стр. 43).

Ольгердъ предъ смертью назначилъ и другимъ сыновьямъ удѣлы - области. Наслѣдство Ольгерда не касалось Витовта, и онъ оставался княземъ Гродненскимъ и всей Черной Руси.

Такъ какъ Ягайла имѣлъ роковую роль въ судьбѣ Кестута, Витовта и самаго Великаго Княжества Литовскаго, то необходимо теперь-же нѣсколько познакомиться и съ нимъ. Изъ 12 сыновей Ольгерда онъ былъ старшимъ отъ второй жены его Юліяніи Тверской. Ягайло былъ любимцемъ матери, подъ вліяніемъ которой и явилось желаніе Ольгерда передать ему по своей смерти Великокняжескій престолъ. Еще при жизни Ольгерда Ягайло крещенъ былъ „въ греческую“ вѣру съ именемъ Якова. Современникъ Ягайлы Янъ Длугошъ (1415 — 1480), краковскій каноникъ и воспитатель дѣтей короля Казиміра Ягайловича, въ своей „Historia Poloniae“, а также Нарбутъ („Dzieje Starożytnie narodu Litewskiego“) оставили такое описаніе Ягайлы.

„Ростъ средній. Голова малая, заостренная кверху и почти обнаженная отъ волосъ. Лицо продолговатое, худое, съуженное къ подбородку. Глаза маленькіе, черные, бѣгающіе изъ стороны въ сторону. Большіе уши. Худое тѣло. Длиная шея. Длинные тонкіе усы. Голосъ грубый, рѣчь отрывистая. Лѣнивъ безгранично, до полудня спитъ. Управляютъ за него другіе. Умъ его слабъ и неразвитъ. Предразсудки

его доходятъ до нелѣпости: вставалъ съ постели непремѣнно правой ногой; брѣя бороду обмывалъ чистой водой срѣзанныя волосы; выходя изъ дома три раза повертывался на одной ногѣ и каждый разъ бросалъ за себя сломанную соломинку. Былъ неграмотенъ". Къ этому нужно добавить, что Ягайла имѣлъ характеръ нерѣшительный, легко поддавался вліянію другихъ и былъ весьма склоненъ къ лицемѣрію и вѣроломству.

При такомъ характерѣ Ягайлы, согласіе между нимъ и благороднымъ дядей его Кестутомъ не могло продолжаться долго. Интриги Прусскихъ рыцарей, заинтересованныхъ въ смутахъ на Литвѣ, всячески старались нарушить мирныя отношенія между Кестутомъ и Ягайлой. Они увѣряли Юліянію и Ягайлу, что Кестутъ хочетъ завладѣть всей Литвой (Шайноха „Jadwiga i Jagello", t. I, p. 341).

Орудіемъ рыцарей противъ Кестута былъ нѣкто Войдила, весьма приближенный къ Ягайлѣ. Войдила изъ простыхъ холоповъ былъ у Ольгерда хлѣбникомъ, полюбился Великому Князю, который взялъ его къ себѣ постельникомъ и поручилъ завѣдывать винными погребами, а потомъ далъ „держать" городъ Лиду. Уже при Ольгердѣ Войдила имѣлъ силу. Ягайла-же возвысилъ его еще болѣе и даже породнился съ нимъ, выдавъ за него сестру свою Марію, вдову по первомъ ея мужѣ „русскомъ князѣ Давидѣ" (С. Соловьевъ „Исторія Россіи", т. III, гл. VII, стр. 970).

Войдила, имѣя большое вліяніе на Ягайлу, всячески востанавливалъ его противъ Кестута и Витовта. Отъ имени Ягайлы онъ велъ тайныя сношенія съ Прусскимъ Орденомъ, для чего неоднократно посѣщалъ Пруссію. Сношенія вылились въ направленный противъ Кестута и Витовта тайный договоръ между Ягайлой и Орденомъ. Войдила мстилъ Кестуту между прочимъ за то, что Кестутъ гнѣвался и попрекалъ Ягайлѣ, матери его Юліяніи и самой Маріи за выдачу племянницы его, дочери Великаго князя, въ замужество съ бывшимъ холопомъ.

Тайный договоръ между рыцарями и Ягайлой состоялся въ 1380 году. Вскорѣ же Кестутъ узналъ о немъ. Кумъ Кестута, орденскій комтуръ Куно де Либштейнъ, преду-

предилъ его о предательствѣ Ягайлы: „Ты ничего не знаешь, какъ Ягайла безпрестанно посылаетъ къ намъ Войдилу, и уже договоръ съ нами написанъ, чтобы отнять у тебя волости“. Кестутъ сообщилъ Витовту:„ Ты живешь съ Ягайлой въ тѣсной дружбѣ, а онъ договорился съ нѣмцами на наше лихо“. Но Витовтъ неповѣрилъ сообщенію комтура и отвѣтилъ отцу, что ничему не надобно вѣрить, что онъ живетъ съ Ягайлой душа въ душу и знаетъ всѣ его думы (С. Соловьевъ „Ист. Рос.“, т. III, стр. 971). Между тѣмъ событія развивались, — правда выходила наружу. Войдила убѣдилъ Ягайлу изгнать изъ Полоцка князя Андрея Ольгердовича — старшаго его брата, который не имѣлъ особаго „послушанія“ Ягайлѣ, и посадить на его мѣсто брата Скиргайлу — Іоанна Ольгердовича, преданнаго Ягайлѣ. Полочане поддержали своего князя Андрея и изгнали Скиргайлу. Кестутъ опять жаловался Витовту на Ягайлу, но Витовтъ все еще колебался и не хотѣлъ вѣрить (Daniłowicz „Latopiś Litwy“, 22). Между тѣмъ Прусскіе крестоносцы напали на Жмудь. Кестуту пришлось отбиваться, а Ягайла не оказалъ ему помощи. Тутъ Кестутъ увидѣлъ, что медлить нельзя и, не ожидая помощи отъ сына, неожиданно захватилъ Вильну и взялъ Ягайлу со всѣмъ семействомъ въ плѣнъ, при чемъ въ руки его въ числѣ другихъ документовъ попалъ и тайный договоръ Ягайлы съ Орденомъ. Произошло это въ 1381 году. Витовтъ въ одинъ день прискакалъ изъ Гродны въ Вильну. Онъ убѣдился, что напрасно довѣрялъ Ягайлѣ.

Кестутъ тогда объявленъ былъ Великимъ Княземъ Литовскимъ. Къ Ягайлѣ отнесся онъ снисходительно. Взявъ съ него присягу, что онъ не вооружится противъ Кестута, какъ Великаго Князя, и не выйдетъ изъ его воли, Кестутъ предоставилъ Ягайлѣ въ удѣлъ Витебскъ и Крево. Ягайла со всѣми своими родными и отправился въ Витебскъ. Войдилу, какъ главнаго виновника всей смуты и бывшаго теперь плѣнникомъ, Кестутъ велѣлъ повѣсить.

Недовольная удаленіемъ Ягайлы изъ Вильны Юліянія, при посредствѣ Скиргайлы, вошла въ сношеніе съ Прусскими крестоносцами, призывая ихъ на помощь. Между тѣмъ Кестутъ долженъ былъ выступить въ походъ противъ Корибу-

та-Димитрія Ольгердовича, князя Новгородъ-Сѣверскаго и Брянскаго. Уходя въ походъ, Вильну и Троки онъ поручилъ Витовту, а Ягайлѣ велѣлъ спѣшить въ помощь ему къ Новгородъ-Сѣверску. (А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика", гл. II, стр. 22).

Между тѣмъ Ягайла, по сговору съ крестоносцами, поспѣшилъ не къ Новгородъ-Сѣверску, а къ Вильнѣ, куда подходили призванные Юліяніей Прусскіе и Ливонскіе рыцари. Витовтъ, не ожидая предательскаго нападенія, потерпѣлъ подъ Вильной пораженіе (Prochazka „Codex epistol. Vitoldi" N 1025 и 1026), и отступилъ къ Трокамъ, а потомъ къ Гроднѣ.

Ягайла съ рыцарями занялъ Троки.

Кестутъ, узнавши о произшедшемъ, поспѣшно вернулся изъ восточнаго похода, собралъ Жмудиновъ и соединился у Трокъ съ Витовтомъ, поджидая еще подкрѣпленій изъ Мазовіи отъ зятя своего князя Януша.

Рыцари, по своему обыкновенію, отягощенные добычей не расположены были болѣе воевать и подумывали о возвращеніи въ Пруссію.

Ягайла и Кестутъ стояли другъ противъ друга у Трокъ, не начиная битвы.

Ягайла замышлялъ уже новое преступленіе противъ дяди и двоюроднаго брата. Онъ послалъ къ нимъ брата своего Скиргайлу для мирныхъ переговоровъ. Не получая подкрѣпленій изъ Мазовіи, Кестутъ и Витовтъ вступили въ переговоры и, по приглашенію поручившагося за ихъ безопасность Скиргайлы, отправились въ лагерь Ягайлы. Здѣсь ихъ объявили военноплѣнными н подъ предлогомъ переговоровъ отвезли въ Вильну. Въ то же время войскамъ ихъ сообщили черезъ гонцовъ, что начались мирные переговоры и что войны больше не будетъ, а потому войска могутъ расходиться. Войска ушли.

Ягайла задержалъ Витовта подъ стражей въ Вильнѣ, а Кестута отвезли въ Крево и заключили его въ казематѣ замка.

По приказанію Ягайлы на 5 й день Кестутъ былъ задушенъ въ тюрьмѣ. Это было лѣтомъ 1382 года. (Русскіе Лѣтописи, Длугошъ, Вановскій, Шайноха, С. Соловьевъ, А. Барбашевъ). Убійцей Кестута былъ чашникъ Ягайлы Прокша, совершившій преступное свое дѣло при участіи крестоносцевъ. Нѣмецкіе хроники замалчиваютъ это преступленіе или говорятъ, что не знаютъ, какъ это случилось, выгораживая крестоносцевъ и обходя Ягайлу. Пущенъ даже былъ слухъ, что Кестутъ самъ себя убилъ; такъ говоритъ Линденблатъ съ оговоркой: „какъ мнѣ говорили". Шайноха повторяетъ нѣмцевъ и говоритъ, что русскіе лѣтописи обвинили Ягайлу въ убійствѣ Кестута изъ ненависти за переходъ Ягайлы изъ греческой вѣры въ латинскую. Но болѣе безпристрастный и болѣе правдивый польскій же историкъ Стадницкій въ своей монографіи: „Olgerd i Keistut" (1870 г. стр. 202) опредѣленно говоритъ объ участіи нѣмецкихъ рыцарей въ убійствѣ Кестута, по соглашенію съ Ягайлой (тоже у А. Барбашева: „Витовтъ и его политика", гл. II, стр. 23–24, примѣч. 18). Самъ Витовтъ въ одномъ изъ писемъ къ Магистру Ордена говоритъ, что „двоюродный его братъ погубилъ его отца и мать".

Тѣло Кестута торжественно сожжено было въ Вильнѣ съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ древне-литовскаго ритуала.

По смерти Кестута, Витовта перевезли въ Крево, въ то самое подземелье, гдѣ убитъ былъ Кестутъ Ягайла дозволилъ женѣ его Аннѣ изрѣдка посѣщать его.

Благодаря самообладанію княгини Анны и самопожертвованію камеристки Елены Витовту удалось уйти изъ заключенія на свободу.

Мѣры къ освобожденію Витовта, очевидно, были подготовлены княгиней Анной при содѣйствіи сестры Витовта Дануты и ея мужа князя Януша Мазовецкаго. Но подвигъ спасенія любимаго князя приняла самоотверженно молодая дѣвушка Елена. Однажды княгиня Анна въ сопровожденіи Елены навѣстила больного, лежавшаго въ постели мужа. Елена, склонившись предъ Витовтомъ, сказала: „Князь, тебѣ нужно какъ можно скорѣе бѣжать. Ягайла погубитъ те-

бя, какъ погубилъ Кестута. Надѣнь мою одежду и уходи съ княгиней, а я здѣсь останусь. Уже темно, и никто неузнаетъ“.

Пораженный Витовтъ сказалъ: „Что ты говоришь? Ты знаешь, что было-бы тогда съ тобой?“

Дѣвушка осталась непреклонной и сказала: „Знаю, что меня ждетъ, но моей смерти никто и не почувствуетъ, а твоя смерть была-бы несчастьемъ для Литвы. Бѣги, князь!“ Витовтъ все еще отказывался принять такую жертву. Тогда дѣвушка сказала: „и я желаю послужить родинѣ, — мнѣ пріятно будетъ умереть за Литву. Ты, освободившись, столько добра сдѣлаешь ей; позволь и мнѣ принять въ этомъ участіе. Если любишь Литву, то долженъ меня послушать“.

Глубоко потрясенный такой великой жертвенной любовью дѣвушки къ своему князю и къ родинѣ, Витовтъ принялъ ея жертву, переодѣлся въ ея платье, голову покрылъ бѣлымъ платкомъ и вмѣстѣ съ женой вышелъ изъ подземелья, безпрепятственно пройдя мимо стражи. Скоро они благополучно достигли Мазовіи, гдѣ ожидала ихъ сердечная встрѣча князя Януша и княгини Дануты. Оставшаяся въ подземельи Елена, лежа въ постели Витовта, оставалась въ такомъ видѣ три дня, не возбуждая подозрѣнія На четвертый день уходъ Витовта обнаружился: преслѣдовать Витовта было уже поздно. Елену повѣсили. Жестоко расправился Ягайла и съ родственниками Кестута и Бируты,—двое изъ нихъ — Видимунтъ и Бутримъ — были колесованы. Все это произошло осенью 1382 года (Długosz „Hist. Polon.“ t. X, 412; Wapowski „Dzieje Kor. Pol. i W. Ks. Litewskiego“ t. I, 9, прим. 1; Барбашевъ: „Витовтъ и его полит.“, гл. II, 24—25). Мстительный Ягайла началъ войну съ Мазовіей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обстоятельства жизни Витовта Великаго отъ времени ухода его изъ Кревскаго заключенія осенью 1382 года до перваго примиренія съ Ягайлой лѣтомъ 1384 года.

Витовтъ не долго задержался въ Мазовіи. Онъ искалъ средствъ посчитаться съ Ягайлой за смерть любимаго отца, за свою тяжкую обиду и за вѣроломное его предательство.

Уйдя въ Пруссію, Витовтъ нашелъ у Тевтонскихъ рыцарей радушный пріемъ несмотря на то, что еще недавно они имѣли тайный договоръ съ Ягайлой противъ его отца и его самаго. Рыцари легко сломали договоръ свой съ Ягайлой и вступили въ договоръ въ Витовтомъ, обѣщая ему помочь вернуть захваченную Ягайлой его отчину. Витовтъ-же обязывался за оказываемую ему помощь стать *подручникомъ* Ордена.

Послѣ этого Великій Магистръ Ордена послалъ Ягайлѣ письмо съ просьбой отдать Витовту и брату его Товкилу хотя часть земель ихъ отца и прекратить войну съ Мазовіей.

Ягайла войну съ Мазовіей прекратилъ, но письмомъ отъ 6 января 1383 года отказался возвратить сыновьямъ Кестута вотчинныя земли, требуя притомъ, чтобы Витовтъ не волновалъ Жмудь. Тогда Великій Магистръ предложилъ Ягайлѣ назначить личное свиданіе для переговоровъ. Ягайла согласился, и рѣшили встрѣтиться на островѣ р. Дубиссы. Ягайла прибылъ изъ Вильны съ матерью Юліяніей и съ нѣкоторыми своими братьями. Изъ Пруссіи прибыли: Великій Магистръ Ордена, князь Витовтъ и 2 епископа. Въ нѣсколь-

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЛИТОВСКІЙ КЕСТУТЪ
(Отецъ Витовта Великаго).

кихъ верстахъ отъ острова остановились и просили Ягайлу прибыть для переговоровъ. Ягайла не согласился, и встрѣча не состоялась.

Послѣ этой неудачной попытки къ свиданію, Великій Магистръ 30 іюля 1383 г. вторгся въ Литву и взялъ Троки. Витовтъ со значительнымъ Литовско-Жмудскимъ отрядомъ занялъ почти все Трокское княжество. Рыцари, оставивъ по городамъ свои гарнизоны, возвратились въ Пруссію. Къ этому времени Ягайла успѣлъ собрать значительныя военныя силы, осадилъ Троки, принудилъ къ сдачѣ нѣмецкій гарнизонъ и занялъ городъ. Витовтъ вынужденъ былъ послѣдовать за рыцарями въ Пруссію. По пути въ Кенигсбергъ, въ городѣ Топавѣ онъ крещенъ былъ въ римско-католическую вѣру съ именемъ „Вигантъ", по имени его крестнаго отца комтура гор. Рагнеты.

1 января 1384 года Великій Магистръ Конрадъ Чольнеръ особымъ документомъ обязывался помогать Витовту добывать его Литовскую отчину, называя Витовта „Vigand".

Весною 1384 года Орденъ снова предпринялъ походъ на Литву и около разрушеннаго Каунасъ (Ковны) сталъ строитъ крѣпость Маріенвердеръ (Prochazka „Codex epistolaris Vitoldi", №№ 3, 5, 997 и 1008; С. Соловьевъ „Исторія Россіи", т. III, 994; А. Барбашевъ: „Витовтъ и его политика", гл. II, 27).

1384 года 14 іюня въ Маріенвердерѣ состоялся договоръ между Витовтомъ и Орденомъ, при чемъ опредѣлены были правила наслѣдованія Литвой въ случаѣ смерти Витовта. Право получала дочь Витовта, но въ случаѣ смерти ея бездѣтной, мужъ ея, котораго избиралъ Орденъ, не имѣлъ на Литовскія земли никакихъ правъ. Также право наслѣдованія предоставлялось брату Витовта Зигмунду, если онъ приметъ христіанскую вѣру („Codex epist. Vitoldi" Prochazka. № 51; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика", гл. II, 29).

Этотъ такъ называемый *тѣсный договоръ* былъ совершенно *безпочвенный и призрачный*.

Еще раньше этого договора Витовтъ тяготился своими сношеніями съ Орденомъ. Онъ видѣлъ, что Орденъ, пользуясь обстоятельствами, опутываетъ его и опустошаетъ Литву. Сердце Витовта болѣло при видѣ разоряемой родной страны. Между тѣмъ Ягайла настойчиво искалъ примиренія съ своимъ двоюроднымъ братомъ и тайно засылалъ къ Витовту своихъ пословъ съ предложеніемъ примириться. Подписывая 14 іюня 1384 года тѣсный союзъ съ Орденомъ, Витовтъ имѣлъ уже опредѣленныя предложенія Ягайлы, устанавливающія между ними новыя отношенія.

Особыя обстоятельства заставили Ягайлу искать сближенія съ Витовтомъ: ему теперь особенно нуженъ былъ воинственный и умный Витовтъ союзникъ, а не тотъ - же Витовтъ врагъ.

Поляки искали жениха своей юной королевѣ Ядвигѣ, иначе сказать, въ лицѣ жениха Ядвиги искали короля Польши. Ягайла былъ въ числѣ претендентовъ и старался привлечь на свою сторону польскихъ пановъ, особенно Малопольскихъ (Schainocha „Jadwiga i Jagełło“, t. II, 4-5; Długosch t. X, 441).

Въ то же время Ягайла принималъ мѣры къ устраненію одного изъ самыхъ настойчивыхъ матримоніальныхъ его соперниковъ-претендентовъ князя Мазовецкаго Земовита, начавъ даже войну съ нимъ.

Но надъ Ягайлой все время висѣла угроза враждебныхъ дѣйствій со стороны сильнаго Прусскаго Ордена, съ которымъ теперь за одно дѣйствовалъ популярный въ Литвѣ и на Жмуди князь Витовтъ. Во что-бы то ни стало нужно было отдалить Витовта отъ Ордена, обезопасить себя такимъ образомъ и отъ самаго Витовта и отъ Ордена и развязать себѣ руки въ домогательствѣ польской короны, тѣмъ болѣе, что склонявшіеся уже на сторону Ягайлы польскіе паны имѣли въ виду не самаго Ягайлу, а въ его лицѣ союзъ съ Литвой именно для борьбы съ враждебнымъ Польшѣ Орденомъ. И Ягайла напередъ уже обѣщалъ полякамъ помощь Литвы противъ Ордена и возвращеніе Польшѣ потерянныхъ ею земель (Długosch „Hist. Polon.“, X, 450; Caro

ВИТОВТЪ ВЕЛИКІЙ,
Великій Князь Литовскій (1392 — 1430).

„Gesch. Polens“, III, 4; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика“, гл. II, 30—31).

Все это вмѣстѣ взятое и толкало Ягайлу на сближеніе съ Витовтомъ. Лѣтомъ 1384 года Ягайла нѣсколько разъ посылаетъ своихъ пословъ, предлагая Витовту свою братскую любовь и возвращеніе ему отцовскаго наслѣдства, если Витовтъ откажется отъ союза съ Орденомъ („Scriptores rerum Prussicarum“, II, 713).

Въ началѣ м. іюля 1384 г. Витовтъ рѣшается принять предложенія Ягайлы, захватываетъ занятый рыцарями гор. Юрбургъ и орденскую крѣпость Маріенвердеръ, возлѣ Каунасъ, избиваетъ многихъ рыцарей и порываетъ съ Орденомъ.

Послѣ этого онъ вступаетъ во владѣніе своей отчиной. Но Ягайла, по собственному-ли побужденію, или подъ вліяніемъ другихъ, сразу-же опредѣляетъ характеръ новыхъ своихъ отношеній къ Витовту и не даетъ ему всего обѣщаннаго.

Витовтъ получаетъ только такъ называемую русскую часть Трокскаго княжества („Черную Русь“): города Гродну, Берестье, Каменецъ, Мельникъ, Дрогичинъ, Бѣльскъ, Слонимъ, Меречь и др., но столица княжества Троки остается во владѣніи брата Ягайлы Скиргайлы, который сѣлъ въ Трокахъ въ 1382 году по смерти Кестута. Притомъ-же Ягайла и указанную часть передалъ Витовту de facto, а обѣщаннаго по договору письменнаго документа не давалъ. Это обстоятельство съ первыхъ-же шаговъ обнаруживало неискренность отношеній Ягайлы и обидное недовѣріе его къ Витовту.

Князь Витовтъ желалъ получить и часть Литовской Волыни съ городомъ Луцкомъ, но мать Ягайлы Юліянія предложила ему условіе — отказаться отъ принятаго въ Пруссіи р.-католичества и принять „греческую“ вѣру. Витовтъ согласился и въ концѣ 1384 года получаетъ во владѣніе и Волынь съ гор. Луцкомъ и принимаетъ православную вѣру съ именемъ Александра. Въ „Scriptores rerum Prussicarum“ (t. III, p. 308) отмѣчено: „Витовтъ въ Топавѣ крестился въ

Виганда, а послѣ крестился по-русски и получилъ имя Александра" (то же смотри у С. Соловьева „Истор. Росс.", т. III, стр. 994).

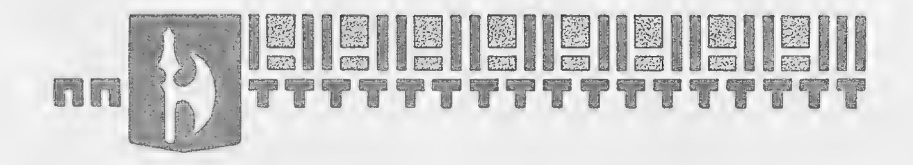
Такое-же свидѣтельство о крещеніи Витовта имѣется въ „Запискѣ Ордена о событіяхъ на Жмуди въ 1409 году": „Витовтъ обѣщалъ креститься и дѣйствительно крещенъ въ Топавѣ и названъ Вигандомъ. Послѣ того онъ крещенъ по-русски и названъ Александромъ, какое имя себѣ усвоилъ" (Prochazka „Cod. ep. Vitoldi", № 997; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика", прил. 2, стр. 135, 136).

Имѣются указанія, что въ память своего „русскаго" крещенія Витовтъ далъ въ 1384 году богатый „фундушъ" земельный Трокскому православному монастырю Рождества Богородицы, въ которомъ онъ принялъ православную вѣру. Впослѣдствіи (въ 1575 году) „фундушовая запись" Витовта представлена была Жмудскимъ Тивуномъ Андреемъ Илкговскимъ въ Трибунальскій Королевскій Судъ и записана въ Трибунальскія книги. Въ „Записи" сказано: „Мы Витовтъ князь, во святомъ крещеніи Александръ наречены, далисмо на прозбу и жодане княгини нашое великое Ульяны" (вдовы Ольгерда) „къ монастыру нашому Троцкому Рожества святое Пречистое озера Троцкаго луку ажъ до великое дороги..." и т. д. („Полное Собр. Русс. Лѣтописей", III, 101, „Памятники Русской Старины въ Зап. Обл. Имп." 1872 г., т. V, 21; „Исторія Р. церк. Макарія, 1886 г., т. IV, ч. I, 135—136; „Остробр. икона Богородицы въ Вильнѣ". Архим. Іосифъ. 1890 г., стр. 242—243).

Сохранились свѣдѣнія, что для салютовъ во время крестныхъ ходовъ и другихъ торжествъ при Виленской Пятницкой церкви стояла старинная *„пушка Витовта"* („Памятники Русс. Старины", т. V, стр. 87, примѣчаніе 33; Боричевскій „Православіе и русс. нар. въ Литвѣ", 1851 г., стр. 48; Архим. Іосифъ, „Остробр. икона въ Вильнѣ" стр. 13 и 157). Кстати упомянуть при этомъ, что Пятницкая церковь въ то время называлась *„дворцовой"*. Объ этомъ говорится въ хранящемся въ Кенигсбергскомъ архивѣ документѣ, который называется „Посольство братьевъ Крестоносцевъ въ Вильну къ Великому Князю Ольгерду въ 1357 году" (Боричевскій

„Правосл. и русс. нар. въ Литвѣ“, 48; Narbut „Dzieje Nar. Lit.“, t. V, 237 i t. VII. 168; Киркоръ „Истор.-стат. оп. Вильны, 1858 г., 144; „Собраніе древн. грам. и актовъ Вильны, Ковны“, 1843 г., ч. I, 13, 38, 60; „Encyklopedyja Powszechna“, 1857, т. 27, стр. 72; и т. д.).

Уладивъ отношенія съ Витовтомъ, Ягайла въ началѣ 1385 года всецѣло отдался своему сватовству, которое принимало для него благопріятный ходъ. Польскіе паны, несмотря на несогласіе Ядвиги, считали этотъ бракъ весьма выгоднымъ для Польши.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ягайла въ 1386 году совершаетъ роковой для Литвы шагъ, принимая Польскую корону и въ своемъ лицѣ связывая Литву съ Польшей. Отношенія между Витовтомъ и Ягайлой съ 1386 г. по 1389 г.

Въ началѣ 1385 года Ягайла послалъ въ Польшу своихъ „сватовъ“: брата Скиргайлу - Іоанна и Бутавта - Бориса Кестутьевича съ порученіемъ просить руки Ядвиги. Послы отъ имени Ягайлы обѣщали полякамъ, что 1) Ягайла съ родственниками, вельможами и народомъ приметъ католичество, 2) соединитъ свои наслѣдственныя и пріобрѣтенныя Литовскія и русскія владѣнія съ Польской короной, 3) поможетъ Польшѣ вернуть потерянныя ею земли, напр. Поморскій край, 4) выпуститъ безъ выкупа польскихъ плѣнныхъ, 5) привезетъ въ Польшу нѣкоторыя изъ дѣдовскихъ и отцовскихъ сокровищъ и 6) уплотитъ прежнему жениху Ядвиги Вильгельму Австрійскому 200.000 флориновъ неустойки.

Эти обѣщанія изложены были сначала польскимъ магнатамъ въ Краковѣ, а затѣмъ послы Ягайлы отбыли въ Венгрію и повторили свои обѣщанія матери Ядвиги — Венгерской королевѣ Елизаветѣ.

Исполнивъ порученіе, Литовскіе послы лѣтомъ 1385 г. вернулись въ Вильну въ сопровожденіи Польскихъ и Венгерскихъ пословъ и объявили Ягайлѣ о согласіи Ядвиги на бракъ съ нимъ.

14 августа 1385 года Ягайла, по совѣту матери своей Юліяніи, далъ въ г. Крево Польскимъ и Венгерскимъ посламъ особый документъ, подтверждающій вышеизложенныя обѣщанія его пословъ. Документъ этотъ подписанъ былъ Ягайлой, Скиргайлой, Корибутомъ, Лингвеніемъ Ольгердовичами и нѣкоторыми другими. (Любавскій „Очеркъ Исторіи Литовско-Русс. Госуд.“, гл. VIII, стр. 45; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика“ гл. II, стр. 33).

Когда Польскіе и Венгерскіе послы были въ Литвѣ, Вильгельмъ Австрійскій пріѣхалъ въ Краковъ и имѣлъ съ Ядвигой тайное свиданіе во Францисканскомъ монастырѣ, послѣ чего они тайно обвѣнчались. Польскіе магнаты заставили Вильгельма уѣхать изъ Кракова, а хотѣвшую слѣдовать за нимъ Ядвигу насильно удержали. (С. Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. III, стр. 996; Барбашевъ, гл. II, стр. 34). Тайный бракъ Ядвиги съ Вильгельмомъ Шайноха (въ „Jadw. i Jagel.„ t. II, 184) старается отвергнуть, но бракъ этотъ потверждается Великимъ Магистромъ Прусскимъ (Prochazka „Codex epist. Vit.“, № 1025). Bobrzyński въ „Dzieje Polski w zarysie“, t. I, p. 224, также подтверждаетъ и ссылается на книги города Кракова („Pomniki dziejowie“, t. IV, Kraków, 1878).

Въ самомъ началѣ 1386 года состоялся съѣздъ въ гор. Волковысскѣ представителей Литвы и Польши и установлены были *условія соединенія Литвы съ Польшей:* въ обоихъ странахъ одинъ верховный государь Ягайла; иностранныя сношенія и военная защита противъ всякаго врага *общая.* Во внутреннемъ управленіи и Литва и Польша — *раздѣльны:* и та и другая будутъ имѣть своихъ особыхъ должностныхъ лицъ, особую казну, особыя войска. Литовскіе представители согласились, что литовскій народъ изъ древней языческой вѣры долженъ быть обращенъ въ рим.-католичество (Проф. Мих. Кояловичъ „Чтенія по Ист. Зап. Руси“, стр. 117—118). Объ уплатѣ неустойки въ 200.000 флориновъ упоминаній нѣтъ, поэтому неизвѣстно, давалъ-ли Ягайла это обѣщаніе отъ себя лично, или-же съ согласія Литовскихъ князей и бояръ.

Изъ Волковысска Литовскіе князья и знатнѣйшіе паны поѣхали въ Краковъ, гдѣ собрался уже Польскій

Сеймъ. На этомъ Сеймѣ Ягайла и избранъ былъ Польскимъ королемъ 12 февраля 1386 года. 15 февраля крещенъ въ р.-католичество съ именемъ Владислава. 18 февраля повѣнчанъ съ Ядвигой. 4 марта совершена коронація.

Такъ Великій Князь Литовскій одновременно и совмѣстно сталъ и королемъ Польскимъ, а предъ Великимъ Княжествомъ и Народомъ Литовскимъ возникъ полный тревоги вопросъ: что-то выйдетъ изъ этого. Эхо этого вопроса сразу-же, еще во время коронаціонныхъ торжествъ въ Краковѣ, грозно отозвалось на сѣверѣ и на востокѣ Великаго Княжества. Начались въ Полоцкой и въ Смоленской областяхъ возстанія противъ Ягайлы, т. е. противъ соединенія Литвы съ Польшей.

Вмѣстѣ съ Ягайлой въ Краковѣ приняли р.-католичество: князь Витовтъ, сохранивъ имя Александра; князь Свитригайла - Михаилъ, получивъ имя Болеслава; князь Кеgригайла-Константинъ, получивъ имя Казиміра, и князь Керновскій Вигундъ-Василій, получивъ имя Александра.

Прочіе братья Ягайлы остались въ „греческой“ вѣрѣ, даже тѣ, которые были съ нимъ въ то время въ Краковѣ, какъ Скиргайла - Іоаннъ Трокскій, Любартъ - Владиміръ князь Волынскій, Зедзевитъ - Іоаннъ Белзскій, Семенъ-Лингвеній Мстиславскій, Михаилъ Заславльскій (Бестужевъ-Рюминъ „Русск. Ист.“, т. II, 33; Иловайскій „Ист. Рос.“, т. II, стр. 171; Макарій „Истор. Русск. Церкви“ т. IV, кн. I, 133—135; А. Барбашевъ: „Витовтъ и его политика“. гл. II, 36).

Впрочемъ относительно Скиргайлы существуетъ разногласіе Одни говорятъ, что Скиргайла принялъ католичество съ именемъ Казиміра, но нѣмецкіе и польскіе хроники продолжаютъ называть его „схизматикомъ“, а русскія лѣтописи и православное населеніе считали его „своимъ“. Польскіе хроники называютъ его „пьяницей и безсердечно-жестокимъ“, а русская лѣтопись называетъ его „чуднымъ, добрымъ княземъ“ (Антоновичъ „Монографіи“ т. I, 233). Разногласіе можно объяснить созвучіемъ именъ: Скиргайла и Киригайла, а отсюда смѣшиванія ихъ, почему нѣкоторые Скиргайлу называютъ Казиміромъ, хотя въ дѣйствительности имя Казиміра получилъ Киригайла.

Положеніе Ягайлы въ роли Польскаго короля было довольно неопредѣленное. Ядвига и польскіе магнаты не выпускали власти изъ своихъ рукъ. Все внутренное управленіе велось ими помимо Ягайлы, которому предоставлялось вѣдать только военное дѣло и то не вполнѣ. Отношеніе-же къ Великому Княжеству Литовскому опредѣлилось сразу-же. Ягайла, подъ давленіемъ польскихъ магнатовъ и Ядвиги, сидя въ Краковѣ, не назначилъ съ Литву Великаго Князя. Длугошъ, Стрыйковскій, Каро утверждаютъ, что Ягайла назначилъ Великимъ Княземъ Литовскимъ Скиргайлу, но послѣдующіе историки, тщательно изучавшіе этотъ вопросъ, считаютъ мнѣніе ихъ явнымъ недоразумѣніемъ; Stadnicki въ своей монографіи „Bracia Władysława Jagełły“ (стр. 266) прямо говоритъ, что Скиргайла *только считался* правителемъ Литвы. Назначенный послѣ смерти Кестута, въ 1382 году, Ягайлой на княженіе въ Троки, Скиргайла до 1392 года остается только княземъ Трокскимъ, а съ 1387 года еще и Полоцкимъ (послѣ плѣненія Андрея Полоцкаго), но никакой власти надъ другими Литовскими князьями онъ не имѣетъ. На всѣхъ документахъ за этотъ періодъ онъ пишется: Dei gratia dux Lithuaniae dominus Trocensis. Но также пишутся и другіе Литовскіе князья, напр. Корибутъ Новгородъ-Сѣверскій: „Dei gratia dux Lithuaniae dominus de Novogrodek“. На самомъ дѣлѣ, Скиргайла — любимецъ Ягайлы является въ Литвѣ его довѣреннымъ, правой рукой и *какъ-бы* намѣстникомъ Ягайлы. Скиргайла въ Литвѣ играетъ ту-же роль при Ягайлѣ, какъ въ свое время Кестутъ при Ольгердѣ (Prochazka „Cod. ep. Vit.“. t. I, 4; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика“, гл. III, 99; Любавскій „Оч. Ист. Лит.-Русск. Госуд.“, гл. VIII). Прочіе-же областные Литовско-русскіе князья остаются въ непосредственной зависимости отъ короля Ягайлы, который истребовалъ отъ нихъ присягу Польскому Королю и Коронѣ, какъ отъ вассаловъ Польши (Любавскій, ibidem). Наконецъ, если-бы Скиргайла былъ Великимъ Княземъ Литовскимъ, то Вильна была-бы его столицей и находилась-бы въ непосредственномъ его управленіи. Но въ Вильнѣ, съ 1387 г. до 1392 года (когда Великимъ Княземъ сталъ Витовтъ Великій), сидитъ королевскій староста (Daniłowicz „Latopis“,

p. 44). Такъ, подъ 1388 — 1389 год. упоминается такой староста Виленскій — Корибутъ Новгородъ-Сѣверскій (Caro „Geschichte Pol.“, III, 95). Подъ 1390 г.—Nicolaus de Moszkorzów, regni Poloniae Vicecancelarius (Długosz„ Hist. Polon.“, X, 491). Подъ 1391 г. — Яшко Олесницкій, отецъ Збигнѣва Олесницкаго, и при немъ Вигундъ - Александръ кн. Керновскій.

Первый разъ, послѣ Ягайлы, титулъ *„Magnus Lithuaniae dux“*, т. е. *Великій* Князь Литовскій, усвояется уже только въ 1392 году Витовту Великому. („Codex epist. Vitoldi“, № 959; С. Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. III, 998; А. Барбашевъ: „Витовтъ и его политика“, гл. III, прил. 3, 137 — 140).

Всѣ послѣднія данныя заслуживаютъ особеннаго вниманія по тремъ причинамъ:

1) Они показываютъ, какъ самъ Ягайла и поляки понимали соединеніе Литвы съ Польшей въ 1386 году. По ихъ мысли соединеніе это было не только династическая унія, а простое „втѣленіе“ Литвы въ Польшу.

2) Для каждаго ясно станетъ, какое необычайное напряженіе большого ума и большой воли и самообладанія требовалось отъ Витовта Великаго, чтобы возстановить, при такихъ условіяхъ, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ независимость внутренняго управленія и придать ему извнѣ столько блеска, величія и славы.

и 3) Съ какими чрезвычайными усиліями приходилось Витовту Великому, во время его великокняженія, бороться съ многообразными затрудненіями и интригами со стороны Ягайлы и поляковъ, въ интересахъ независимости Литвы.

Проф. Любавскій въ „Очерки Исторіи Литовско Русск. Государства (гл. VIII, стр. 46) такъ характеризуетъ этотъ моментъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго. „Соединеніе Литвы съ Польшей въ лицѣ Ягайлы не было ни персональной, ни династической уніей, а простой инкорпораціей Великаго Княжества въ Королевство Польское. Принимая Польскую корону, Ягайла присоединялъ къ ней на вѣчныя времена свои Литовскія и русскія земли. По смыслу Кревскаго обязательства, индивидуальное существованіе Великаго Княжества Литовскаго прекращалось и оно сливалось съ

Польшей въ одно политическое тѣло. Вотъ почему Ягайла послѣ коронаціи своей взялъ отъ всѣхъ литовскихъ и русскихъ князей присягу на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской. Эти князья стали теперь ленниками, вассалами Польши и потому должны были присягать на вѣрность своему новому отечеству. Поэтому-же и Литовскіе бояре-католики получили въ 1387 году права одинаковыя съ поляками, — они стали подданными одного съ поляками государства“... „Ягайла однако оказался не въ состояніи выполнить въ точности своихъ обязательствъ предъ поляками и соединить Литву съ Польшей въ одно государство“.

Въ концѣ 1386 года Ягайла, сопровождаемый Гнѣзненскимъ, Познанскимъ и Краковскимъ епископами и многими князьями и панами, выѣхалъ изъ Кракова въ Литву крестить Литовцевъ.

Въ Литвѣ они посѣтили князя Витовта въ любимой резиденціи его въ г. Луцкѣ, откуда направились въ Вильну.

Крещеніе первоначально распространено было только на области, непосредственно управляемыя Ягайлой и Скиргайлой, т. е. Виленскую, Трокскую и Полоцкую. Крещенію въ католичество подлежали всѣ природные Литовцы, хотя въ Верхней Литвѣ (Аукштойи Летува) много Литовцевъ было православной вѣры. Въ послѣднемъ случаѣ не обходилось безъ сопротивленія. Такъ, по приказу Ягайлы, два Литовскихъ боярина поплатились жизнью за отказъ принять католичество.

Въ 1837 году Малиновскій въ Вильнѣ издалъ древнюю хронику современника Витовта Великаго — Ваповскаго (жившаго 1450—1535): „Dzieje korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego“, въ которой (t. I, p. 75) приводится документъ Ягайлы отъ 22 февраля 1387 года, гдѣ имѣется выраженіе: „rozkazaliśmy... przyzwać a nawet zniewolić do jakiego kolwiekby wyznania należeli“... Но, по свидѣтельству лѣтописей, приказъ Ягайлы о принудительномъ крещеніи на православныхъ русскаго происхожденія не распространялся. (Daniłowicz „Skarbiec dypl.“, t. I, 266; Caro „Geschichte Polens“, t. III, p. 37, примѣч. 2; С. Соловьевъ „Ист. Россіи“, т. III, гл. 7, стр. 997).

Отношенія между Витовтомъ и Ягайлой, послѣ примиренія ихъ въ 1384 году, *наружно* были мирныя и дружелюбныя, но положеніе было *неопредѣленное*. Подозрительный Ягайла, подъ личиной дружбы, не довѣрялъ Витовту и боялся его. Скиргайла, продолжая владѣть вотчиной Витовта—Троками, также боялся усиленія Витовта. Оба они сознавали превосходство Витовта и не были спокойны. Витовтъ замѣчалъ все это, но не показывалъ и вида, скрывая въ себѣ чувства обиды. Истинныя чувства двоюродныхъ братьевъ Витовта стали прорываться и наружу. Боясь усиленія его, начали притѣснять его родственниковъ. Отняли земли у родного его брата Токвила и у племянника первой его жены Юліяніи князя Ивана Альгимунтовича (Борисовича) Гольшанскаго („Scriptores rerum Prus“. 713; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика“, гл. III, 49). Витовтъ оставался спокойнымъ и занимался исключительно внутреннимъ благоустройствомъ своей области, обративъ особое вниманіе на развитіе промышленности и торговли, обнаруживъ при этомъ мудрость правителя, обезпечивающую жизнь и имущество всѣхъ подданныхъ безъ различія вѣры и національности. Заботился о правильномъ поступленіи доходовъ въ княжескую казну, будучи самъ весьма бережливъ. Въ 1388 г. особой грамотой даетъ привилегію евреямъ, гонимымъ въ другихъ странахъ и находящимъ пріютъ въ Литвѣ. Въ грамотѣ между прочимъ сказано: „христіанинъ, ранившій еврея, долженъ удовлетворить его тою-же пеней, какъ шляхтича. Если бы кто сталъ требовать у еврея уплаты залога въ субботній день или учинилъ-бы въ домѣ еврея гвалтъ, то долженъ быть наказанъ точно такъ-же, какъ и грабитель господарской казны...“ и т. д.

Чтобы разсѣять къ себѣ недовѣріе р.-католическаго духовенства, которое могло смущаться вѣротерпимостью Витовта, онъ надѣляетъ духовенство нѣкоторыхъ р.-католическихъ церквей земельными угодіями.

Чтобы успокоить подозрительность Скиргайлы, Витовтъ въ началѣ 1389 года подписываетъ грамоту, въ которой обѣщаетъ любить Скиргайлу, какъ брата, и даже помогать ему противъ всѣхъ враговъ, кромѣ Польскаго короля

(„Codex epist. Vitoldi“, № 18; „Витовтъ и его политика“ — Барбашевъ, гл. III, стр. 49).

Словомъ, Витовтъ старается разсѣять подозрительность и недружелюбіе Ягайлы и Скиргайлы къ нему, но безуспѣшно. Тѣ прислушиваются ко всякимъ слухамъ, доносамъ и представляютъ собою благопріятную почву для усвоенія всякихъ неблагопріятныхъ для Витовта свѣдѣній. Такъ, Скиргайла вѣритъ доносу, что Витовтъ хочетъ „извести“ его. Ягайла заключаетъ въ оковы посланца Витовта и пытками вымучиваетъ у него показанія о сношеніяхъ Витовта съ Московскимъ княземъ (Narbut „Dzieje star. nar. Litewskiego“, t. V. p. 433; С. Соловьевъ „Ист. Рос.“, т. III, 999).

Подозрительность питалась и завистью къ Витовту, который пользовался симпатіями населенія не только въ Литвѣ, но на Жмуди и на Руси.

Ягайлу-же и прежде не любили, а теперь съ принятіемъ Польской короны онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ. Приверженная къ старой вѣрѣ Жмудь возмущалась насильственнымъ распространеніемъ „нѣмецкой“ вѣры, какъ называли здѣсь католичество, а нѣмцевъ Жмудь очень не любила, — много обидъ она терпѣла отъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, которые въ теченіи уже 200 лѣтъ, подъ видомъ распространенія христіанства, грабили страну, избивали жителей и захватывали земли.

Да и Скиргайла, очевидно, не пользовался особыми симпатіями населенія. По крайней мѣрѣ Зубрицкій въ „Исторіи Галицкой Руси“ (стр. 221) говоритъ, что слова Длугоша („Historia Polon.“, X, 120) „о любви Руси къ Скиргайлѣ“ на самомъ дѣлѣ относятся вовсе не къ Скиргайлѣ, *а именно къ Витовту* (С. Соловьевъ, т. III, 998).

Положеніе Витовта Великаго все болѣе и болѣе осложнялось. Сфера отношеній къ нему Ягайлы и Скиргайлы отравлена была недовѣріемъ и недоброжелательствомъ. Живо помня совсѣмъ еще недавній (1382 г.) случай злодѣйскаго вѣроломства по отношенію къ отцу его и къ нему самому и учитывая географическое положеніе своихъ владѣній, съ сѣвера и съ юга сдавленныхъ владѣніями его недоброжела-

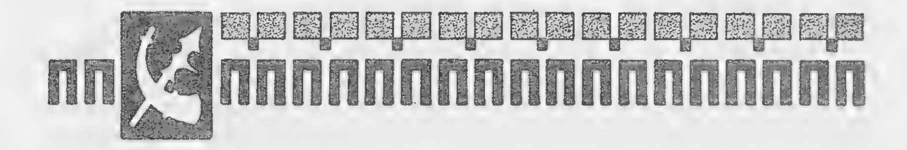
телей, Витовтъ сталъ серьезно думать о томъ, какъ найти выходъ изъ этого положенія и гдѣ искать союзниковъ.

Воспользовавшись отъѣздомъ Скиргайлы въ занятый имъ, по удаленіи князя Андрея Ольгердовича, Полоцкъ, Витовтъ пригласилъ къ себѣ многихъ князей и бояръ Литовскихъ и нарисовалъ предъ ними картину настоящаго положенія Литвы. Онъ сѣтовалъ, что чужестранцы завладѣли Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Князья и бояре отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ словамъ Витовта и на совѣщаніи рѣшили овладѣть Вильной.

Это совѣщаніе и положило начало борьбы между Витовтомъ и Ягайлой за независимость Великаго Княжества Литовскаго, Витовтъ нашелъ всеобщее сочувствіе и поддержку въ населеніи.

Когда-же Ягайла разставилъ по городамъ польскіе гарнизоны, то это еще болѣе озлобило населеніе, которое присоединилось къ войскамъ Витовта и истребляло польскіе отряды, а Витовту подвозили необходимые для войскъ съѣстные припасы (Любавскій „Очеркъ Истор. Литовско-Русскаго госуд.“, стр. 48).

Хотя, согласно сговора еще въ 1386 году, Витовтъ на востокѣ въ лицѣ Московскаго вел. князя Василія II Димитріевича имѣлъ *нареченнаго* зятя, для единственной дочери своей Софьи Витовтовны, и могъ расчитывать на его помощь, но онъ обратилъ свои взоры на западъ къ ближайшимъ сосѣдямъ — Тевтонскимъ рыцарямъ, въ которыхъ и нашелъ союзниковъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разрывъ Витовта съ Ягайлой и договоръ его съ Прусскимъ Орденомъ. Война между Витовтомъ и Ягайлой. Успѣхи Витовта. Затрудненія Ягайлы, который ищетъ мира съ Витовтомъ. Витовтъ Великій Князь Литовскій.

Не видя другого выхода, Витовтъ осенью 1389 года завязываетъ сношенія съ Прусскимъ Орденомъ, который съ своей стороны входитъ въ соглашеніе съ нимъ.

Въ концѣ того-же года Витовтъ отправляетъ въ Пруссію жену свою Анну, сестру Рингалу и младшаго брата Зигмунта, а 19 января 1390 года даетъ Ордену формальную грамоту съ обязательствомъ выполнить договоръ.

Вскорѣ-же большая армія рыцарей (до 40.000 воиновъ) вступаетъ въ Литву, занимаетъ даже Керновъ и Мейшагалу, захватываетъ много плѣнныхъ, но затѣмъ возвращается въ Пруссію. Ягайла-же со своей стороны вторгается во владѣнія Витовта, занимаетъ по Бугу Брестъ, Луковъ, Суражъ; продвигаясь къ сѣверу, беретъ Каменецъ и подходитъ къ Гроднѣ. Перейдя на правый берегъ Нѣмана, располагается лагеремъ.

Витовтъ отсылаетъ въ Пруссію остальныхъ своихъ родственниковъ: брата Токвила съ женой, племянника первой жены своей кн. Ивана Гольшанскаго, князя Белзскаго Юрія Наримунтовича и другихъ. На помощь Витовту подходитъ Орденское войско. Для перехода на другую сторону Нѣмана устраиваютъ понтонный мостъ изъ соединенныхъ цѣпью судовъ. Но поляки повыше сталкиваютъ въ Нѣманъ

нѣсколько большихъ деревьевъ, которыя, подхваченныя быстрымъ теченіемъ, устремляются на мостъ, разрываютъ цѣпи и ломаютъ суда.

Послѣ этой неудачи Витовтъ отступаетъ, а поляки занимаютъ Гродну на 5-й день Пасхи*) 1390 года. Папа Бонифацій IX, принявъ сторону поляковъ, требовалъ прекращенія распри и поставлялъ Ордену на видъ, что Ягайла уже христіанинъ („Codex epist. Vit.“, 21, 22, 23; А. Барбашевъ: „Витовтъ и его политика“, гл. III, стр. 51—52). Орденъ отклонилъ посредничество Папы, но согласился на личные переговоры съ Ягайлой въ гор. Торнѣ 13 октября 1390 года (ibidem). Военныя-же дѣйствія не прекращались. На сторонѣ Витовта была Жмудь и большинство населенія Верхней Литвы и Литовской Руси.

Осенью 1390 года Витовтъ съ большимъ войскомъ снова вступаетъ въ Литву. Съ нимъ были отряды Прусскаго и Ливонскаго Орденовъ. Войско богато снабжено было таранами и огромными метательными сооруженіями для разрушенія городскихъ стѣнъ, а также имѣли недавно изобрѣтенныя огнестрѣльныя пушки. Были въ войскѣ Витовта и хитроумныя „крыши“ для прикрытія штурмующихъ крѣпость. Дороги были плохи. Шли Нѣманомъ. Возлѣ Каунасъ (Ковны) нанесли пораженіе Скиргайлѣ и взяли городъ. Затѣмъ Виліей 4 сентября 1390 года подошли къ Вильнѣ. Пять недѣль шли здѣсь бои; часть города взяли, но крѣности взять не могли. Потери людьми съ обѣихъ сторонъ были большія. Здѣсь со стороны Ягайлы погибъ братъ его Киригайла-Казиміръ, а со стороны Витовта сложилъ свою голову братъ его Токвилъ-Конрадъ.

Въ виду приближенія зимы, осаждавшіе, захвативъ много добычи, отошли въ Пруссію.

---

*) Примѣчаніе автора. Удивительное совпаденіе! Спустя 529 лѣтъ, 1919 года, м. апрѣля, 27 дня, на 5-й день Пасхи, поляки заняли безъ боя Гродну, послѣ ухода наканунѣ, по требованію Антанты, окупаціоннаго отряда нѣмцевъ. Антанта не обратила вниманія на протестъ Литовской Государст. Тарибы, еще въ м. декабрѣ 1918 г. по желанію населенія Гродненскаго края, установившей гражданское Управленіе Гродненской области.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЛИТОВСКАЯ БИРУТА
(Мать Витовта Великаго).

Въ это время произошло событіе, которое на вѣсахъ борьбы легло на сторону Витовта. Осенью 1390 года изъ Москвы въ Пруссію въ г. Маріенбургъ прибыло посольство Великаго Князя Московскаго Василія II за *нареченной* его невѣстой дочерью Витовта Софьей. Сговоръ былъ еще, какъ извѣстно, въ 1386 году, когда, спасаясь отъ Тохтамыша, Василій II пробирался въ Москву черезъ Молдавію и Литву. Въ Никоновской лѣтописи (Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. IX) сказано: „имяше-же Витовтъ у себя дщерь едину и восхотѣ дати ю за князя Василія Димитріевича и глагола ему: отпущу тя къ отцу твоему въ землю твою, аще поимеши дщерь мою за себе, единою сущу у мене“ (С. Соловьевъ „Исторія Росс“, т. IV, 1030). Софья Витовтовна, въ сопровожденіи двоюроднаго своего по матери брата князя Ивана Альгимунтовича Гольшанскаго, отбыла тогда-же изъ Пруссіи въ Москву черезъ Балтійское море и Лифляндію.

Это вступленіе Витовта въ близкое родство съ Великимъ княземъ Московскимъ крайне встревожило Ягайлу. Польша, растроенная и безъ того борьбой съ Витовтомъ, теперь оказывалась какъ-бы ущемленной и съ запада и съ востока.

Ягайла уже видѣлъ, что ему необходимо мириться съ Витовтомъ, но пока еще все-таки пробуетъ продолжать борьбу. Онъ въ помощь Виленскому намѣстнику Яшко Олесницкому въ началѣ 1391 года назначаетъ князя Керновскаго Вигунда-Александра Ольгердовича и въ то-же время пытается войти въ переговоры съ Орденомъ и съ Витовтомъ. Орденъ какъ-будто соглашается на мирные переговоры, но военныхъ дѣйствій не только не прекращаетъ, но даже собираетъ войска. Между тѣмъ Вигунтъ-Александръ довольно успѣшно борется и временами одерживаетъ побѣды.

Ягайла подбодряется и удерживается отъ окончательнаго рѣшенія примириться съ Витовтомъ.

Осенью 1391 года война разгорѣлась съ новой силой. Витовтъ занимаетъ Троки и Вилькоміръ. Возлѣ Каунасъ рыцари строятъ крѣпость Риттерсвердеръ, ставятъ въ немъ нѣмецкій гарнизонъ и отдаютъ эту крѣпость въ распоряженіе Витовта.

Въ м. декабрѣ 1391 года Витовтъ занимаетъ крѣпость Меречъ (Merkinė) и городъ Гродну. Гродна взята была безъ боя: литовская и русская части гарнизона заперли въ башнѣ замка поляковъ и сдали Гродну Витовту.

Такимъ образомъ значительная часть Великаго Княжества Литовскаго была уже подъ рукой Витовта.

Въ началѣ 1392 года неожиданно умеръ князь Вигундъ-Александръ. Смерть его очень повліяла на Ягайлу. Ягайла растерялся. Но въ это-же время пришла новая грозная вѣсть. Ягайлѣ сообщили, что, по иниціативѣ врага Ягайлы Опольскаго князя Владислава, между Римскимъ Императоромъ, Венгерскимъ Королемъ и Прусскимъ Орденомъ состоялось соглашеніе подѣлить между собою Польшу. Опольскій князь уже продалъ за 50.000 венгерскихъ золотыхъ Прусскому Ордеру Добринскую землю, корорую *оспаривали* у него поляки, считая ее своею.

Теперь уже Ягайла не раздумывалъ; онъ рѣшилъ какою-бы ни было цѣною искать примиренія и соглашенія съ Витовтомъ, число сторонниковъ котораго, какъ борца за независимость Литвы, все болѣе возрастало (Daniłowicz „Skarbiec Dyplom.“, I, 291; Długosz, X, 498; Wapowski, „Dzieje Korony Pol. i Wielk. Ks. Litewskiego“, ed. Malinowskiego 1847; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика“‘ гл. III, стр. 59).

Витовтъ также тяготился уже зависимостью отъ Ордена; онъ видѣлъ, что въ этой борьбѣ сильно страдаютъ Литовскія области, и осторожно подготовляется къ ликвидаціи настоящихъ отношеній къ Ордену. Въ концѣ 1391 года онъ начинаетъ собирать къ себѣ въ Риттерсвердеръ (Каунасъ) своихъ родныхъ изъ Пруссіи. Прежде всего, по соглашенію съ Великимъ Магистромъ Ордена, вызываетъ въ Риттерсвердеръ изъ Прусскаго замка Креминтенъ жену свою Анну, а изъ Маріенбурга — князя Смоленскаго Глѣба Святославича, брата своей жены. Въ самомъ началѣ 1392 года такимъ же образомъ вызываетъ къ себѣ изъ Пруссіи своихъ двоюродныхъ братьевъ Ивана и Юрія Наримунтовичей князей Белзскихъ и вмѣстѣ съ ними многихъ своихъ Литовскихъ бояръ.

Оставались въ Пруссіи: братъ Витовта Жигмонтъ и воспитывавшіеся у рыцарей два сына Витовта. Очевидно, рыцари удерживали ихъ въ качествѣ заложниковъ, проявляя съ нѣкотораго времени подозрительность къ Витовту. Быть можетъ въ этихъ-же видахъ рыцари устраиваютъ два новыхъ замка на своихъ восточныхъ границахъ. Витовтъ въ цѣляхъ усыпить ихъ подозрительность предпринимаетъ походъ на Литву, — на Лиду, на Мѣдники. („Витовтъ и его политика", гл. III, 60).

Потребность примиренія наконецъ вылилась въ конкретныя формы. Въ Пруссію прибылъ отъ имени Ягайлы братъ Мазовецкаго князя Януша князь Генрихъ, *нареченный* Плоцкій епископъ, съ оффиціальной миссіей мирныхъ переговоровъ съ Орденомъ, имѣя тайную миссію склонить Витовта къ примиренію съ Ягайлой и отказу отъ союза съ Орденомъ (Długosz „Histor. Pol.", X, 499; Caro „Geschichte Pol", 109; „Витовтъ и его политика", гл. III, 60—61).

Рыцари отнеслись къ Генриху съ довѣріемъ, и онъ получилъ доступъ въ Риттерсвердеръ. Здѣсь онъ передалъ Витовту предложенія Ягайлы. Ягайла, *по соглашенію со Скиргайлой*, не только возвращалъ Витовту всѣ его наслѣдственныя вотчины, но и все Великое Княжество и титулъ Великаго Князя Литовскаго (Stryjkowski „Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi", II, 94; Wujk Kojałowicz „Historia Lithuaniae", II, 30; „Витовтъ и его политика" Барбашевъ, гл. III, 61—62 и примѣч. 64). Вынужденный идти на всѣ уступки Ягайла на совѣщаніи со Скиргайлой умолчалъ, что онъ передаетъ Витовту Троки и предлагаетъ титулъ Великаго Князя, и это въ послѣдствіи было причиной недоброжелательства Скиргайлы къ Витовту, — но быть можетъ Ягайла и хотѣлъ этого, чтобы въ лицѣ Скиргайлы *на всякій случай* имѣть врага Витовту. Витовтъ принялъ предложеніе Ягайлы, но до времени все хранилось въ глубокой тайнѣ.

Генрихъ задержался въ Риттерсвердерѣ и женился на Рингалѣ, — что еще болѣе успокоило рыцарей, тѣмъ болѣе, что Витовтъ продолжалъ дѣлать походы на Литву. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Генрихъ былъ убитъ, и Рингала вышла замужъ за Молдавскаго воеводу (Шайноха „Jadw. i Jagieł.", II, 403).

24 іюня 1392 года неожиданно для рыцарей Витовтъ захватилъ прусскій гарнизонъ Риттерсвердера; иностранныхъ рыцарей выслалъ заграницу, а прусскихъ объявилъ плѣнными. Городъ сжегъ. Овладѣлъ вновь построенными Орденомъ двумя замками и сжегъ ихъ. Въ Гроднѣ захватилъ нѣмецкій гарнизонъ и поставилъ сильный Литовскій отрядъ. Послѣ этого направился въ Вильну, гдѣ Яшко Олесницкій встрѣтилъ его съ большими почестями.

Изъ Вильны Витовтъ выѣхалъ на встрѣчу Ягайлѣ, спѣшившему въ Литву. Встрѣча произошла въ Островѣ, гдѣ и состоялось 5 августа 1392 года, съ участіемъ королевы Ядвиги, такъ называемое *„Островское Соглашеніе 1392 года“*, положившее начало Велико-княженію Витовта Великаго.

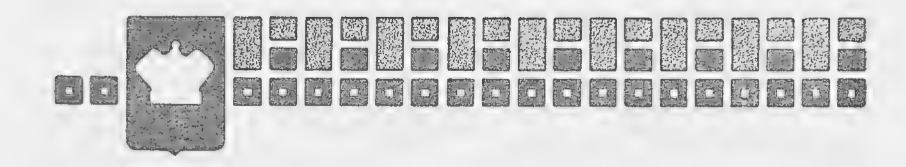
Озлобленные прусскіе рыцари обратили свою ярость на остававшихся у нихъ родныхъ Витовта. Брата его Жигмонда заковали въ оковы, а двухъ сыновей его убили (Narbut „Dzieje...“, t. V, 487; Lukas David, VII, 189; „Витовтъ и его политика“, А. Барбашевъ, гл. VIII, примѣч. 71). Прусскія хроники впрочемъ ничего не говорятъ о сыновьяхъ Витовта, но это еще не значитъ, что ихъ вовсе не было. Нарбуту не было смысла выдумывать отъ себя объ убійствѣ рыцарями сыновей Витовта, тѣмъ болѣе, что онъ, издавая въ „Pomniki do dziejów Litewskich“ *древнюю* „Лѣтопись Быховца“, имѣлъ подъ руками богатый историческій матеріалъ. Такъ и о дочери Витовта Софьѣ впервые упоминается въ „Никоновской Лѣтописи“, составленной въ началѣ XVI вѣка (т. е. около 100 лѣтъ спустя по смерти Витовта), только за 1390 годъ по поводу отъѣзда ея въ Москву, какъ нареченной невѣсты Московскаго князя Василія II. Съ равнымъ основаніемъ можно думать, что до 1392 года *не было поводовъ* упоминать о сыновьяхъ Витовта. Рыцари, очевидно, удерживали брата и сыновей Витовта, какъ заложниковъ, и Витовтъ въ интересахъ осторожности не могъ настаивать, чтобы отпустили ихъ въ Риттерсвердеръ. Далѣе, бывшая въ то время жена Витовта Анна не была родной матерью дочери и сыновей Витовта, рожденныхъ первой женой его Юліяніей Гольшанской. Анна, какъ мачеха, могла и не проявить особой заботливости о вызволеніи своихъ пасынковъ, а прини-

маемыя къ тому мѣры разбивались о холодную несговорчивость рыцарей, возбудить подозрительность которыхъ и легко и крайне опасно было именно въ то время.

„Островское Соглашеніе 5 августа 1392 года“ вполнѣ опредѣляло положеніе Витовта Великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отношеніе Великаго Княжества Литовскаго къ Польшѣ: за Ягайлой оставалась Польша, за Витовтомъ Великимъ — Великое Княжество Литовское „по давнему“, какъ было при Гедиминѣ и Ольгердѣ, Ягайла былъ король въ Польшѣ, Витовтъ — Великій Князь на Литвѣ. При этомъ Витовтъ сдѣлалъ королевѣ Ядвигѣ уступку, которой онъ въ то время, очевидно, не придавалъ особаго значенія, довольный достигнутымъ успѣхомъ. По настоянію королевы Ядвиги, которая, казалось, теперь болѣе цѣпляется за Литву, чѣмъ самъ Ягайла, — Витовтъ далъ ей „Запись“ неотступно стоять при королѣ и при польской коронѣ по конецъ своей жизни. При этомъ Витовтъ, на случай своей смерти, выговорилъ въ пожизненное владѣніе своей женѣ и брату Сигизмунду (Жигмонту) особыя области.

Любавскій, оцѣнивая „Островское Соглашеніе 5 августа 1392 года“, говоритъ, что оно, „не измѣняя Кревскаго договора 1385 года, въ принципѣ внесло въ него существенную *поправку и дополненіе въ интересахъ Великаго Княжества Литовскаго,* которымъ теперь самостоятельно управляетъ Великій Князь Витовтъ, а не намѣстники Польскаго короля Ягайлы, какъ было въ періодъ времени 1387—1392 годовъ... Островское Соглашеніе 1392 года положило начало возстановленію независимости и самобытности Великаго Княжества Литовскаго, нарушенныхъ Ягайлой въ 1385 году Кревскимъ договоромъ его съ Польшей“. („Очеркъ Ист. Литовско-Р. Госуд.“, гл. IX, стр. 49).

Такимъ образомъ Витовтъ Великій, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ своего положенія, благодаря своему геніальному уму, одержалъ большую побѣду надъ Ягайлой, вновь открывъ предъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ свободный путь независимой жизни.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Великокняженіе Витовта Великаго съ 1392 года до битвы съ татарами на р. Ворсклѣ въ августѣ 1399 г. Усиленіе власти Великаго Князя устраненіемъ областныхъ князей и замѣной ихъ намѣстниками Великаго Князя. Ростъ могущества и славы Великаго Княжества и расширеніе его предѣловъ. Витовтъ Великій — „*Supremus* Lithuaniae et Russiae Dux".

Занявши Великокняжескій престолъ, Витовтъ Великій на первыхъ порахъ жилъ въ согласіи съ Ягайлой. Онъ не лицемѣрно выполнялъ соглашеніе свое съ двоюроднымъ братомъ. Что-же касается Ягайлы, то, зная свойства его характера, трудно судить объ искренности его отношеніи къ Витовту. Судя по всему, онъ также старался проявлять дружелюбіе къ Витовту и быть можетъ былъ-бы тверже въ этомъ отношеніи, если-бы не поддавался давленію вліянія Ядвиги, Збигнѣва Олесницкаго и польскихъ магнатовъ. Онъ часто пріѣзжалъ къ Витовту въ Литву и показывалъ дружеское къ нему расположеніе. По желанію его, многія распоряженія, касавшіяся Великаго Княжества Литовскаго, издавались за подписью обоихъ государей — Ягайлы и Витовта. Трудно сказать, дѣлалось-ли это по собственной иниціативѣ Ягайлы, или подъ давленіемъ изъ Польши, потому что это обстоятельство могло имѣть два разнородныхъ значенія. Съ одной стороны въ этомъ можно было усматриватъ дружественныя отношенія между Витовтомъ и Ягайлой, уравненіе „Господарскаго" ихъ достоинства и возвращеніе Великому Княжеству суверенности, умаленной Ягай-

лой въ періодъ 1387 — 1391 годовъ посылкой сюда своихъ намѣстниковъ. Съ другой-же стороны въ этомъ обстоятельствѣ чуствовалось что-то не совсѣмъ благопріятное для самостоятельности Великаго Княжества и Великаго Князя Литовскаго. Ягайла *хотя-бы такимъ, повидимому невиннымъ, способомъ напоминалъ* о своихъ правахъ на Литву.

Поляки зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы сохранялась хотя-бы *призрачная связь* Литвы съ Польшей, — если не de facto, то на страницахъ документовъ.

Витовтъ же, въ виду дружественныхъ отношеній, по чувству своего рыцарскаго благородства, не противился этому или-же временно терпѣлъ любезную навязчивость Ягайлы, въ сознаніи своего внутренняго превосходства надъ нимъ и въ ожиданіи укрѣпленія своего положенія. Послѣднее предположеніе оправдывается повидимому и внутреннимъ того времени состояніемъ Великаго Княжества.

За годы борьбы Ягайлы съ Витовтомъ, да и ранѣе, со смерти Ольгерда, въ Великомъ Княжествѣ происходили смуты, характерныя для эпохи удѣльныхъ княжествъ. Нѣкоторые областные князья-Ольгердовичи тяготились властью Ягайлы и не особенно склонны были слушаться его. Недовольство усилилось послѣ 1386 гоца и приняло характеръ протеста противъ соединенія Литвы съ Польшей. Начались было возстанія, съ которыми Ягайлѣ пришлось бороться при помощи братьевъ своихъ Скиргайлы-Іоанна Трокскаго и Вигунда-Александра Керновскаго. Теперь-же борьбу съ сепаратистскими стремленіями областныхъ князей принялъ на себя Витовтъ, какъ Великій Князь Литовскій.

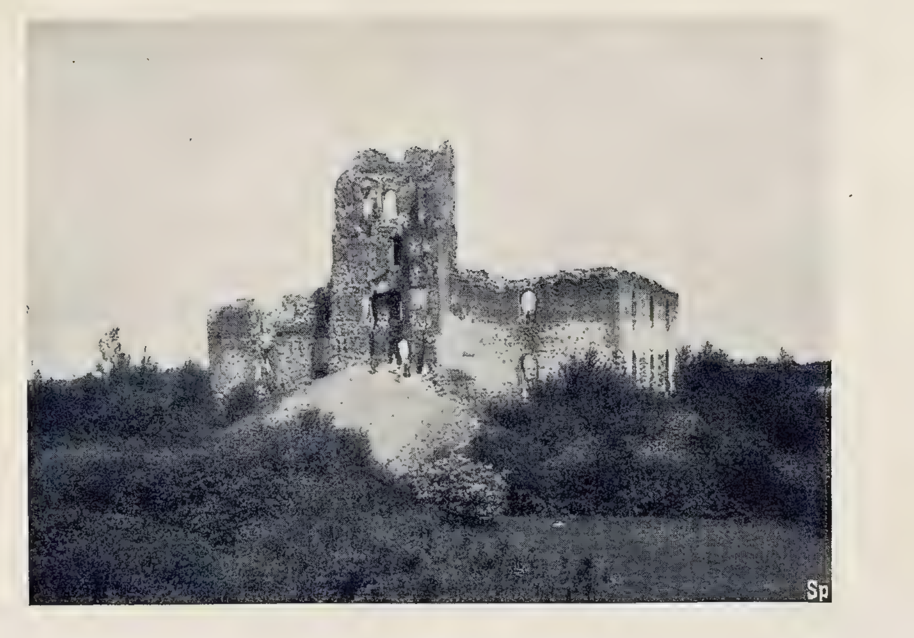
Благодаря неискренности Ягайлы, не предупредившаго Скиргайлу, что Троки возвращаются Витовту, какъ его вотчина, Скиргайла сразу сталъ въ недружелюбныя отношенія къ Витовту. Чтобы удовлетворить его, Витовтъ далъ ему въ 1392 году Кіевъ, Кременецъ и Стожекъ на Волыни, а Кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича перевелъ на Копыльско-Слуцкое княженіе. Но Владиміръ только въ 1395 г. ушелъ въ Копыль, а Скиргайла все это время жилъ въ Краковѣ и только, по уходѣ Владиміра, Скиргайла пріѣхалъ въ Кіевъ, именуясь „Великимъ княземъ Русскимъ“. Въ Полоцкѣ,

послѣ ухода Скиргайлы, Витовтъ не назначилъ другого князя, а послалъ туда своего намѣстника. 1396 года 12 января Скиргайла неожиданно умеръ, тогда и въ Кіевъ Витовтъ назначилъ намѣстникомъ своимъ племянника первой своей жены Юліяніи Ивана Альгимунтовича Гольшанскаго. При намѣстникахъ назначаются и Литовскіе чиновники („урядники“). Около того-же времени, „съ помощью огнестрѣльнаго снаряда“ (Бантышъ-Каменскій „Истор. Мал. Р.“) Витовтъ овладѣваетъ владѣніями возставшаго князя Свитригайлы — Друцкомъ, Оршей, Витебскомъ; назначаетъ Свитригайлѣ Кревское княженіе, а въ Витебскъ посылаетъ также своего намѣстника и чиновниковъ.

Въ 1394 году Витовтъ, „имѣя умъ хитрый и мужество необыкновенное, отражаетъ нападеніе на Литву нѣмецкихъ кавалеровъ и уничтожаетъ самые сокровенные ихъ замыслы“ (Дм. Бантышъ - Каменскій „Исторія Малыя Руси“, ч. I, стр. 49; Solignac „Histoire generale de Pologne“, 1750, t. III, pusl. 263).

Въ 1395 году Витовтъ овладѣваетъ Смоленскомъ, а вышедшаго изъ послушанія Смоленскаго князя отсылаетъ въ Литву. Управленіе Смоленской областью поручаетъ своему намѣстнику князю Ямонту и „уряднику Василію Борейшѣ“ (Д. Бант.-Кам. „Ист. Мал. Руси“, ч. I, стр. 40). Также точно Витовтъ поступаетъ съ Мстиславскимъ княжествомъ, съ Волынью, Подоліей, Литовской частью „Червонной Руси“ (Галиціи), съ княжествомъ Новгородъ - Сѣверскимъ и Брянскимъ, князя котораго Корибута - Димитрія Ольгердовича отсылаетъ въ Вильну. Словомъ, Витовтъ ликвидируетъ всѣ болѣе крупныя областныя, особенно окраинныя, княженія и садитъ тамъ своихъ намѣстниковъ и „урядниковъ“, оставляя князей лишь въ небольшихъ, и притомъ центральныхъ, областяхъ, недостаточно сильныхъ для проявленія „непослушанія“ Великому Князю.

Эта централизація власти и управленія придаетъ Великому Княжеству Литовскому силу и величіе, а имя Витовта Великаго окружается ореоломъ славы. Престижъ Великаго Князя Литовскаго возрастаетъ не только внутри государства, но и за предѣлами его. Промышленность и торговля

ЗАМОКЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКАГО КЕСТУТА ВЪ ТРОКАХЪ.

крѣпнутъ. Великокняжеская казна богатѣетъ. Все это вмѣстѣ взятое благопріятно отражается на политическомъ самосознаніи Литовскаго боярства, въ которомъ, послѣ недавняго опыта Ягайлы, укрѣпляется идея независимой Литвы.

Ядвигѣ и польскимъ магнатамъ это, конечно, внушаетъ опасенія, и они съ тревогой поглядываютъ въ сторону Вильны.

Между тѣмъ политическіе планы Витовта Великаго не ограничиваются достигнутыми въ столь короткое время успѣхами. Заключивъ въ 1394 году договоръ съ Прусскимъ Орденомъ и обезопасивъ себя съ запада, Витовтъ обратилъ все свое вниманіе на востокъ, именно на Москву и на Татарскую Орду.

Въ Москвѣ въ это время великимъ княземъ былъ зять Витовта Василіи II Дмитріевичъ. Онъ не только „промолчалъ" занятіе Витовтомъ Смоленска, но даже пріѣхалъ въ Смоленскъ съ своей великой княгиней Софьей Витовтовной для свиданія съ Витовтомъ и утвержденія границъ обоихъ великихъ княжествъ (Дм. Бантышъ-Каменскій „Исторія Мал. Руси", ч. I, стр. 41; Батюшковъ „Бѣлор. и Литва", стр. 98; А. Барбашевъ: „Витовтъ и его политика". стр. 89). Московскій князь не могъ поступить иначе. Карамзинъ въ „Исторіи Госуд. Рос." (т. V, стр. 157) и Дм. Бантышъ-Каменскій въ „Исторіи Малыя Руси", (ч. I, стр. 41) такъ говорятъ: „Въ то время уже почти вся земля Вятичей, т. е. нынѣшнія Орловская и части Калужской и Тульской губерній принадлежали Витовту. Карачевъ, Мценскъ, Бѣлевъ съ другими удѣльными городами князей Черниговскихъ поддалися Витовту. Занявъ Ржевъ и Великія Луки, властвуя отъ границъ Псковскихъ до Галиціи и Молдавіи, а съ другой стороны до береговъ Оки, Курска, Сулы и Днѣпра, сынъ Кестута былъ монархомъ всей Южной Руси, *оставляя Василію бѣдный Сѣверъ*, такъ что Можайскъ, Боровскъ, Калуга, Алексинъ уже граничили съ Литвой".

Витовтъ Великій достигъ апогея могущества и помышлялъ о занятіи Пскова и Новгорода.

Въ то-же время Витовтъ не оставлялъ безъ вниманія и Татарской Орды. Въ 1397 году въ походѣ на татаръ онъ

доходитъ до Азова, а, по свидѣтельству польскихъ хроникъ, даже до Волги и на нижнемъ теченіи Днѣпра строитъ свою крѣпость. Съ большой добычей и множествомъ плѣнныхъ татаръ онъ возвращается въ Литву и разселяетъ плѣнниковъ возлѣ Вильны и въ другихъ мѣстахъ Литвы — въ Гроднѣ, въ Слонимѣ и проч. (Карамзинъ, „Истор. Гос. Рос.", т. V, стр. 165; Solignac „Hist. gener. de Pol.", t. III, p. 276; Б.-Каменскій „Истор. Мал. Р.", ч. I, стр. 45).

Татары въ это время представляли собою еще довольно грозную силу и своими нападеніями тревожили и Москву и Литву, — не разъ доходили они до самой Москвы и до Кіева. Но Орда начала уже разлагаться, въ ней происходили внутреннія смуты. Такъ, ханъ Золотой Орды Тохтамышъ изгнанъ былъ изъ Сарая ханомъ Тимуромъ и бѣжалъ въ Литву со своими женами, двумя сыновьями, многочисленнымъ дворомъ и съ богатой казной. Прибылъ онъ въ Кіевъ. Витовтъ принялъ его подъ свое покровительство, обѣщалъ возратить ему утраченное ханство и предоставилъ для жительства Лидскій замокъ (Дм. Бантышъ-Каменскій „Истор. Мал. Руси", ч. I, стр. 44).

Послѣ удачнаго Азовскаго похода Витовтъ рѣшилъ серьезно посчитаться съ Татарской Ордой.

Въ 1398 году онъ посылаетъ въ Москву къ Великому князю Василію II Смоленскаго своего намѣстника князя Ямонта для сговора по татарскимъ дѣламъ. Закончивъ свою миссію, Ямонтъ вернулся въ Смоленскъ съ великой княгиней Московской Софьей Витовтовной, которая пріѣхала сюда для свиданія съ отцомъ и переговоровъ въ связи съ посольствомъ Ямонта.

Задумавъ широкій планъ сокрушенія татарской силы, Витовтъ въ началѣ 1398 года вызываетъ изъ Венгріи возставшаго было, плѣненнаго и бѣжавшаго въ Венгрію крайне безпокойнаго Свитригайлу Ольгердовича и предоставилъ ему Новгородъ-Сѣверскую землю, Подолію и часть Червонной Руси. Этимъ Витовтъ отвлекалъ Свитригайлу отъ Венгерскаго короля, который готовъ былъ оказать ему поддержку, и отъ Прусскихъ рыцарей, которые радовались всякой смутѣ въ Литвѣ и спѣшили принять участіе въ ней.

Мѣра эта объясняется тѣмъ во 1-хъ, что Витовтъ хотѣлъ имѣть свободныя руки для большого похода на татаръ, а во 2-хъ, отдалялъ поводъ къ разрыву съ поляками, которые также предъявляли на эту часть Галиціи свои права. Витовтъ завоевалъ ее для Литвы и послалъ туда своихъ „урядниковъ", но поляки упорно домагались присоединенія ея къ Польшѣ. Витовтъ нашелъ выходъ, — онъ отдалъ *спорную* область непримиримому врагу Ягайлы и Польши Свитригайлѣ. Разрывъ-же съ Польшей былъ тогда не по времени, хотя отношенія уже имѣли характеръ сомнительный *и только наружно мирный*. Дѣло въ томъ, что поляки продолжали считать Великое Княжество Литовское частью Польской короны, а окрѣпшая и усилившаяся подъ мудрымъ правленіемъ Витовта Литва чужда была всякой мысли о какой-либо зависимости отъ Польши.

Особенно непримиримо настроена была, подъ вліяніемъ польскихъ магнатовъ, королева Ядвига. Литовскія и русскія области она считала *своимъ свадебнымъ вѣномъ*, даннымъ ей Ягайлой передъ бракомъ (С. Соловьевъ „Исторія Россіи" т. IV, стр. 1041). И вотъ, когда Витовтъ Великій готовился къ походу на Татарскую Орду, получаетъ онъ весною 1398 года отъ Ядвиги письмо, которымъ она требуетъ отъ Витовта уплаты ей 200.000 флориновъ неустойки Вильгельму Австрійскому, бывшему ея жениху, и ежегодной дани съ Подольской земли.

Витовтъ Великій былъ крайне возмущенъ этимъ требованіемъ. Онъ созываетъ въ Вильнѣ литовскихъ и русскихъ бояръ и спрашиваетъ: „Желаютъ-ли они быть подданными Польши и платить ежегодную дань?" Бояре отвѣчаютъ, что они всегда были свободными, что предки ихъ никакой дани полякамъ не платили, и что они хотятъ жить по прежнему („Scriptores rerum Prussic" t. III, p. 219; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика", гл. III, стр. 75). Ядвигѣ посланъ былъ отрицательный отвѣтъ. Но этимъ дѣло не ограничилось.

По совѣту съ боярами Витовтъ рѣшилъ положить предѣлъ домогательствамъ Польши и освободить Великое Княжество Литовское даже отъ номинальной зависимости отъ

Польской короны (С. Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. IV, 1042). Въ этихъ видахъ мысли его обратились на западъ, къ Прусскому Ордену, въ цѣляхъ самостоятельнаго, помимо Польши, соглашенія съ нимъ.

Нужно помнить, что, со времени соглашенія съ Ягайлой въ 1392 году, Витовтъ уклонялся отъ предложеніи Ордена заключить съ нимъ сепаратный, безъ вѣдома Ягайлы, договоръ. На предложенія Ордена онъ отвѣчалъ, что помимо Польскаго короля онъ не можетъ входить ни въ какія обязательства съ Орденомъ (Voigt „Codex diplom. Prussiae“, t. VI, p. 19; „Scriptores rerum Prussicarum“, t. III, p. 206; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика“, гл. IV, стр. 81).

Теперь-же, возмущенный требованіемъ Ядвиги, Витовтъ самъ осторожно ищетъ болѣе тѣснаго сближенія съ Орденомъ, хотя и до того времени онъ изрѣдка велъ дружелюбную переписку съ Великимъ Магистромъ Ордена. Орденъ охотно отозвался. Были выработаны пункты *тѣснаго договора, по существу своему направленнаго противъ Польши,* но формально прикрытаго распредѣленіемъ сферъ вліянія Витовта и Ордена въ отношеніи Пскова и Новгорода. *Пятый пунктъ договора ясно направленъ былъ противъ Польши.* Витовтъ обязывался не пропускать черезъ свои владѣнія въ Пруссію никакого непріятельскаго войска, *даже христіанскаго.* Орденъ принималъ на себя такое-же обязательство въ отношеніи Литвы. Дѣло въ томъ, что никакія другія „христіанскія“ (т. е. католическія) войска, кромѣ польскихъ, не могли идти въ Пруссію черезъ Литву.,.

Договоръ утвержденъ былъ 12 октября 1398 года Великимъ Княземъ Витовтомъ и Великимъ Магистромъ Ордена на островѣ Салинѣ *съ добавкой, что отъ Витовта не требуется, чтобы договоръ утвержденъ былъ королемъ Ягайлой.*

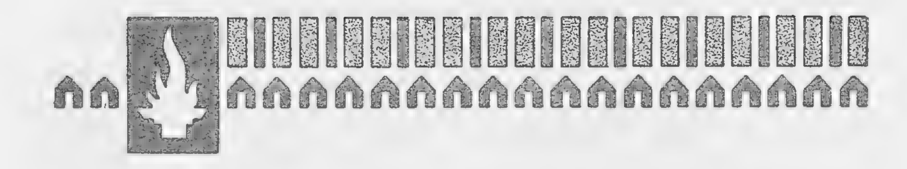
Въ этомъ документѣ особенно замѣчательно то, что на договорѣ Витовтъ подписался не „Magnus Lithuaniae et Russiae dux“, какъ титуловался обычно, а „*Supremus* Lithuaniae et Russiae dux“ (т. е. не Великій, а *Верховный* князь Литвы и Руси), каковымъ титуломъ до того времени поль-

зовался только король Ягайла. (Narbut „Dzieje narodu Litewskiego...“ прилож. IX, 39; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика“, гл. IV, примѣч. 51).

Интересно отмѣтить, что послѣ подписанія Салинскаго договора, Великій Магистръ Ордена Конрадъ Валенродъ устроилъ въ честь Витовта Великаго, его жены и гостей роскошный пиръ, на которомъ сопровождавшіе Витовта литовскіе и русскіе бояре провозгласили его „*Королемъ Литвы и Руси*“ и просили позволенія величать его этимъ титуломъ. Витовтъ отвѣтилъ, что онъ „не смѣетъ еще почитать себя достойнымъ такого высокаго титула“ (С. Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. IV, 1042; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика“, гл. IV, стр. 87). Нѣмецкіе хроники отмѣчаютъ, что „богатство и роскошь нарядовъ жены Витовта и его свиты на пиру поразили рыцарей“.

Салинскій договоръ хранился въ глубокой тайнѣ и на взаимныя отношенія Витовта и Ягайлы не повліялъ.

Сила Великаго Княжества Литовскаго и величіе имени Витовта Великаго поднялись уже на большую высоту, и связь съ Польшей висѣла на волоскѣ. И если-бы не несчастная битва съ татарами на р. Ворсклѣ, то Коевскій договоръ Ягайлы съ Польшей потерялъ-бы всякое значеніе и смыслъ, а политическіе планы Витовта Великаго, какъ цѣль его жизни, нашли-бы полное осуществленіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пораженіе Литовцевъ татарами при рѣкѣ Ворсклѣ въ м. августѣ 1399 года и тяжелыя послѣдствія этого пораженія для Литвы. Поляки пользуются временнымъ ослабленіемъ Великаго Княжества и особыми актами закрѣпляютъ связь его съ Польшей. Мѣропріятія Витовта Великаго для ликвидаціи послѣдствій пораженія на р. Ворсклѣ. Новое усиленія Великаго Княжества и имени Витовта Великаго. Обстоятельства, предшествовавшія полному разгрому Прусскихъ крестоносцевъ при Грюнвальдѣ въ 1410 году.

Обезпечивъ себя на востокѣ соглашеніемъ съ Великимъ княземъ Московскимъ въ Смоленскѣ и заключивъ тѣсный „Салинскій" договоръ съ Прусскимъ Орденомъ, Витовтъ Великій отказалъ Тимуру въ выдачѣ Тохтамыша и дѣятельно сталъ готовиться къ большому походу на Татарскую Орду. Сборнымъ пунктомъ для войскъ назначенъ былъ Кіевъ.

Очевидно, этотъ походъ одобрялся и Ягайлой, „по горячему желанію" котораго папа Бонифацій IX приказалъ проповѣдывать въ Польшѣ и въ окрестныхъ странахъ *крестовой походъ* противъ татаръ.

Однако походъ этотъ былъ не по душѣ Ядвигѣ, или, правильнѣе сказать, канцлеру Ягайлы Збигнѣву Олесницкому и польскимъ магнатамъ, которые боялись усиленія Витовта и тайно противодѣйствовали походу. Ядвига даже противилась посылкѣ противъ Орды вспомогательнаго Польскаго отряда (А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика" гл. IV, стр. 96). Впрочемъ, Дм. Бант.-Каменскій, страдающій

особыми симпатіями „къ набожной и кроткой Ядвигѣ" объясняетъ противодѣйствіе ея „неограниченному властолюбію Витовта" тѣмъ, что Ядвига „предчувствовала неуспѣхъ похода и тщетно предсказывала Витовту бѣдствіе" („Исторія Малыя Руси", гл. VI, стр. 96). Но по общему характеру отношеній Ядвиги къ Витовту приходится принять ту точку зрѣнія, что польскіе историки (а за ними и Д. Б.-Каменскій) впослѣдствіи *прикрыли боязнь усиленія Витовта предчувствіемъ неуспѣха.*

Сборъ войскъ шелъ своимъ чередомъ. Въ Кіевѣ собралось многочисленное войско изъ Жмуди, Литвы и Руси. Прусскій Орденъ прислалъ сто конныхъ „копейщиковъ" (по Бант.-Каменскому, „500 богатовооруженныхъ нѣмцевъ"), изъ Польши прибыло четыреста конныхъ „копейщиковъ". Пришелъ ханъ Тохтамышъ со своими татарами. Молдавскій воевода прислалъ отрядъ „валаховъ". Въ началѣ августа 1399 года войско выступило изъ Кіева и, пройдя рѣки Сулу и Хоролъ, подошло къ берегамъ рѣки Ворсклы. Подошли сюда и татары подъ предводительствомъ Тимура.

Пять дней стояли войска другъ противъ друга, не начиная битвы. Тимуръ поджидалъ стараго хана Эдигея съ его Ордой. Чтобы выиграть время, онъ вступилъ въ переговоры, предлагая Витовту миръ, при чемъ выражалъ ему величайшее почтеніе, называя его отцомъ, и высказывалъ даже, что готовъ платить дань Витовту.

Всегда осторожный Витовтъ повѣрилъ здѣсь хитрому азіату и въ переговорахъ съ нимъ требовалъ еще, чтобы на татарскихъ монетахъ рядомъ съ изображеніемъ хана чеканилось-бы и изображеніе Великаго князя Литовскаго. Усыпляя подозрительность Витовта, Тимуръ не отказывался, но просилъ дать ему время на совѣщаніе съ приближенными.

Но вотъ наконецъ подошелъ Эдигей со своей ордой, и сразу отношенія Тимура измѣнились.

12 августа татарскія Орды напали на Литовское войско. Сначала битва склонилась въ пользу Литовцевъ, которые привели татаръ въ смятеніе неизвѣстнымъ дотолѣ Ордѣ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Но искусный въ военномъ дѣлѣ ученикъ Тамерлана Тимуръ зашелъ Литовцамъ въ тылъ,

разстроилъ и смѣшалъ ихъ отряды. Тохтамышъ, боясь плѣна, первымъ со своими татарами бѣжалъ съ поля битвы. Кровопролитная битва продолжалась до глубокой ночи. Войска Витовта потерпѣли жестокое пораженіе. Убитыхъ было множество, въ томъ числѣ 20 литовскихъ и русскихъ князей: Андрей Ольгердовичъ б. Полоцкій, Корибутъ - Дмитрій Ольгердовичъ Брянскій, Глѣбъ Святославичъ б. Смоленскій, Михаилъ и Дмитрій Даниловичи Волынскіе, Іоаннъ Белзскій, Іоаннъ Альгимунтовичъ - Гольшанскій — намѣстникъ Кіевскій, князь Ямонтъ — намѣстникъ Смоленскій, Спытко Мелштинскій и проч. Погибло и 10 знатнѣйшихъ Прусскихъ рыцарей. Также убито было множество татаръ. Самъ Тимуръ опасно раненъ былъ и вскорѣ умеръ.

Татары овладѣли Литовскимъ лагеремъ и бросились преслѣдовать отступавшихъ Литовцевъ. Гнались до Днѣпра, заняли Кіевъ и поставили здѣсь своихъ „баскаковъ", взявши „въ окупъ" отъ Кіева 3000 рублей Литовскаго серебра и отдѣльно еще отъ Кіево-Печерской Лавры — 30 рублей. Затѣмъ опустошили Чернигово-Сѣверскіе города и другія области на западъ до самаго г. Луцка.

Пораженіе на Ворсклѣ имѣло роковыя послѣдствія для Великаго Княжества Литовскаго, которыми поспѣшили воспользоваться поляки. Витовтъ Великій долженъ былъ отложить временно свои планы и сдѣлать уступки Польшѣ, — обстоятельства вновь влекли его на сближеніе съ Польшей. Ядвига не увидѣла униженія Витовта, — она умерла 17 іюля 1399 года (Długosz „Hist. Pol.", X, 534; Szainocha „Jadwiga i Jagiełło", II, 487).

Смерть Ядвиги подѣйствовала на Ягайлу удручающе. И при жизни Ядвиги положеніе его въ Польшѣ было нетвердое и сводилось какъ-бы на второстепенную роль супруга королевы. Со смертью Ядвиги и эта роль отодвинулась, и Ягайлѣ грозило лишеніе, какъ онъ думалъ, польской короны. Сознавая сомнительность своего положенія (Długosz „Hist. Pol.", X, 537), Ягайла, по смерти Ядвиги, удалился на Русь и даже, говорятъ, подумывалъ возвратиться въ Литву на великокняженіе (Solignac „Histoire generale de Pologne", t. III, p. 237 et 282; Дм. Б. - Каменскій „Ист. М. Р.", гл. VI, стр. 46).

ЗАМОКЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКАГО ГЕДИМИНА ВЪ ВИЛЬНѢ.

Прусскій Орденъ не преминулъ воспользоваться этимъ замѣшательствомъ въ Польшѣ, и Великій Магистръ въ октябрѣ 1399 года въ письмѣ къ Вильгельму Австрійскому совѣтовалъ ему предъявить свои права на польскій престолъ (Prochazka „Codex epistol. Vitoldi“, № 59; „Витовтъ и его политика“ А. Барбашевъ, гл. V, стр. 101).

Но польскіе магнаты были насторожѣ: они не давали особой власти Ягайлѣ, но это не значило, что они хотѣли-бы разстаться съ нимъ. Они ясно понимали, что уходъ Ягайлы повлекъ-бы за собой полное отторженіе отъ Польши Литвы, чего ни въ коимъ случаѣ они не хотѣли допустить. При томъ-же они вовсе не желали имѣть своимъ королемъ нѣмца, а прямыхъ наслѣдниковъ не было, — Ядвига умерла бездѣтной.

Поэтому польскіе магнаты поспѣшили за удалившимся Ягайлой, присягнули ему въ вѣрности и убѣдили его вернуться въ Краковъ. Въ то-же время, пользуясь пораженіемъ Литовцевъ на Ворсклѣ и ослабленіемъ Витовта, они всемѣрно стали воздѣйствовать на Ягайлу, чтобы онъ не упустилъ этого благопріятнаго случая и неразрывно связалъ-бы Литву съ Польшей.

Тронутый кажущейся преданностью магнатовъ и поддаваясь ихъ настояніямъ, Ягайла сталъ думать о закрѣпленіи связи Литвы съ Польшей. Съ одной стороны онъ хотѣлъ разсѣять сомнѣнія поляковъ и устранить упреки ихъ въ томъ, что до сихъ поръ не выполнилъ своихъ обязательствъ слить Литву съ Польшей въ одно тѣло, а съ другой — закрѣпить такимъ путемъ свое положеніе въ Польшѣ (Любавскій „Очеркъ Исторіи Литов.-Русск. Гос.“, гл. IX, стр. 51).

Приступая къ осуществленію своего и польскихъ магнатовъ плана, Ягайла уже въ 1400 году начинаетъ требовать отъ нѣкоторыхъ Литовскихъ удѣльныхъ князей присяжныя грамоты на вѣрность коронѣ польской *въ случаѣ смерти Витовта*. Въ этомъ предупредительномъ выраженіи „на случай смерти Витовта“ видится настойчивое стремленіе ограничить самостоятельность Литвы и власть ея Великаго Князя, но въ то-же время чувствуется импонирующая поля-

камъ и Ягайлѣ сила личности Витовта Великаго, котораго они не осмѣливаются затронуть лично.

Между тѣмъ Витовтъ стремился упрочить свое поколебленное пораженіемъ на Ворсклѣ положеніе и ищетъ союзниковъ. Въ 1400 году онъ заключаетъ мирный договоръ съ Великимъ Новгородомъ „по старинѣ" (С. Соловьевъ „Ист. Рос.", т. IV, 1034), а затѣмъ отправляется въ Краковъ къ Ягайлѣ.

Предложеніе Ягайлы о поновленіи уніи между Литвой и Польшей не встрѣчаетъ здѣсь особаго противодѣйствія со стороны Витовта, которому теперь нужны мирныя отношенія съ Польшей. Тѣмъ болѣе, какъ видно будетъ ниже, Витовту приходится считаться *съ поколебавшимся настроеніемъ Литовскихъ пановъ и бояръ.*

Витовтъ и Ягайла отправляются въ Вильну на Сеймъ.

1401 года 18 января въ Вильнѣ Витовтъ даетъ Ягайлѣ грамоту, подтверждающую его обѣщаніе сохранять вѣрность Коронѣ Польской и королю, который далъ ему Великое Княжество Литовское *въ пожизненное владѣніе.* Далѣе, Витовтъ, въ случаѣ своей смерти, признаетъ Ягайлу и его преемниковъ наслѣдниками Литвы, т. е. что по смерти Витовта Великаго Княжество возвращается подъ власть Ягайлы (С. Соловьевъ „Ист. Рос.", т. IV, 1042).

Въ тотъ-же день 18 января 1401 года на Виленскомъ Сеймѣ „прелаты, князья и бояре Литовскіе особой грамотой обѣщаютъ за себя и за своего Великаго Князя сохранять вѣрность Польшѣ *отъ имени всѣхъ Литовскихъ пановъ и туземцевъ Литвы и Руси, съ согласія послѣднихъ*" (хотя въ актѣ нѣтъ ихъ подписей). Этой-же грамотой потверждается, что въ случаѣ смерти Витовта полученное имъ отъ Ягайлы въ пожизненное владѣніе Великое Княжество Литовское переходитъ къ Ягайлѣ, и что прелаты, князья и паны обязываются тогда слушать и повиноваться королю Владиславу, коронѣ и королевству Польскому. Затѣмъ еще добавлено, что если Ягайла умретъ ранѣе Витовта, то поляки не должны избирать себѣ другого короля безъ предварительнаго соглашенія съ Витовтомъ и Литовцами. Ясно, что этимъ добавленіемъ „Литовскіе прелаты, князья, паны и бояре"

соглашались на поглощеніе Литвы Польшей *за чечевичную похлебку*, и что, въ случаѣ даже прекращенія на польскомъ престолѣ Литовской династіи, унія Литвы съ Польшей должна оставаться.

Невольно напрашивается вопросъ, какія причины могли вызвать такое рѣшеніе Литовскаго Сейма, — вѣдь особенно угрожающихъ Литвѣ *внѣшнихъ причинъ* въ то время не было, тѣмъ болѣе, что такъ еще недавно (въ 1398 г.) Литовскіе паны и бояре свидѣтельствовали Витовту, что они „желаютъ жить по прежнему“. Слѣдовательно, были какія-то внутреннія причины, — скорѣе всего тѣ, что Литовскіе прелаты, будучи поляками, были единомышленны съ польскими прелатами; а Литовскіе паны и бояре прельщались такъ называемой „польской культурой“, т. е. европеизированнымъ бытомъ польскихъ магнатовъ и тѣми польско - шляхетскими „вольностями“, которыя такъ пышно разцвѣли уже къ концу того-же XV вѣка.

Виленскіе акты 1401 года усилили Кревскій актъ Ягайлы 1385 года и размѣняли Островское Соглашеніе 1392 года. Они подкрѣпили домогательства поляковъ и затруднили Витовта Великаго въ осуществленіи имъ національно-политическихъ плановъ. Стрыйковскій такъ опредѣляетъ характеръ актовъ 1401 года: „Tak tedy *biedna Litwa*, na ten czas nie mając potężnych a mądrych senatorów, w niewoli prawie uwichlana była, jak Długosz i Kromer piszą“ (Stryjkowski „Kronika Polska, Litewska, Żmódzka...“, t. II, p. 117). Это голосъ Литовскій! А вотъ голосъ поляка. Сарницкій въ „Annales“ (кн. VII, 342) находитъ, что Виленскій актъ 1401 г. *былъ большимъ счастьемъ для Литвы*, потому что спасалъ ее отъ рыцарей, татаръ и внутреннихъ безпорядковъ!...

Въ томъ-же 1401 году 11 марта польскіе прелаты и паны собрались въ Радомѣ и въ свою очередь дали обѣщаніе всегда защищать и поддерживать Литовцевъ, признавать Витовта Великимъ Княземъ до его смерти и, въ случаѣ смерти Ягайлы, не выбирать короля безъ вѣдома Витовта (Krzyszczewski i Muczkowski „Codex diplom. Poloniae“. 1847, t. I, 271; „Витовтъ и его политика“ А. Барбашевъ, t. V, 103, примѣч. 10).

Нѣкоторыя хроники добавляютъ, что, „если-бы Ягайла умеръ раньше Витовта, то польская корона переходитъ къ Витовту“ (Narbut „Pomniki do dziejów…“; Wujk Kojałowicz „Historia Lithuaniae“ t. II, p. 118). Вуйкъ Кояловичъ оговаривается, „что слѣдовъ этого въ самихъ актахъ не имѣется“.

Стрыйковскій считаетъ вѣроятной и такую версію, что въ случаѣ смерти Ягайлы или Витовта *бездѣтнымъ*, дѣти другого изъ нихъ наслѣдуютъ Литву и Польшу. Версію эту онъ приписываетъ Литовскимъ и Русскимъ лѣтописямъ („Kronika Polska, Litewska, Żmódzka…“, t. II, p. 118). Современники считали вѣроятнымъ вступленіе Витовта и его потомковъ на польскій престолъ по смерти Ягайлы (С. Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. IV, 1042). Это вѣроятно и потому еще, что въ 1429 году Збигнѣвъ Олесницкій и Янъ Тарновскій предлагали Витовту Польскую Корону при жизни Ягайлы („Codex epist. Vitoldi“, № 868; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика“, гл. V, стр. 103).

Поляки были очень довольны актами 1401 года и хвалятъ предъ Папой р.-католическую ревность Витовта („Codex epist. Vitoldi“, № 84 и 90).

Въ то-же время они требуютъ отъ Витовта, чтобы онъ не вступалъ въ союзъ съ Орденомъ, безъ согласія Польскаго короля („Витовтъ и его политика“, гл. V, стр. 106).

Въ 1402 году Витовтъ 22 мая въ Рацянжѣ заключаетъ договоръ съ Орденомъ, съ согласія Ягайлы, который утверждаетъ и этотъ и прежній Салинскій договоры. Объясняютъ это тѣмъ, что полякамъ нужно было посредничество Витовта, которому Орденъ болѣе довѣрялъ, чѣмъ Польшѣ. Но въ сентябрѣ того-же 1402 года Ягайла вновь предлагаетъ Витовту возобновить присягу вѣрности Королю и Коронѣ Польской („Codex epistol. Vitoldi“, — 107; „Витовтъ и его политика“, гл. V, примѣч. 18). Витовтъ говоритъ, что онъ даетъ эту запись, чтобы *„уничтожить всякое подозрѣніе въ его невѣрности“*.

Такъ поляки безцеремонно предъявляли Витовту всякія требованія, пользуясь временнымъ затруднительнымъ его положеніемъ.

Но Витовтъ Великій, удовлетворяя навязчивыя требованія поляковъ, энергично приводитъ въ порядокъ дѣла Великаго Княжества. Въ 1402 году онъ усмиряетъ вновь возставшаго Свитригайлу Ольгердовича. Въ 1404 году окончательно овладѣваетъ вновь отложившимся было Смоленскомъ („Бѣлоруссія и Литва", Батюшковъ, 102), и такимъ образомъ возстанавливаетъ вполнѣ внутренній порядокъ въ Великомъ Княжествѣ и укрѣпляетъ свою власть. Въ 1404 году приходится воевать ему съ Прусскимъ Орденомъ, который претендовалъ на часть Жмуди до рѣки Дубиссы. Витовтъ отнялъ было ее отъ Ордена, но по договору опять возвратилъ ему, при чемъ когда Орденъ потребовалъ выдачи бѣжавшихъ въ Литву жмудиновъ, то отвѣтилъ: „Вы хотите, чтобы я всѣмъ Жмудинамъ заразъ велѣлъ возвратиться въ ихъ землю? Хорошо. Но знайте, что эти люди — самые горячіе приверженцы независимости, которую вы отняли у земляковъ ихъ; никто лучше ихъ не защититъ ее"! Послѣ этого часть Жмуди оставалась еще подъ властью Ордена около шести лѣтъ до пораженія рыцарей подъ Грюнвальдомъ въ 1410 году.

Заключивъ перемиріе съ Орденомъ, Витовтъ началъ военныя дѣйствія съ Псковомъ и Москвой. Въ февралѣ 1406 года онъ занялъ Псковскій пригородъ Коложе и вывелъ оттуда 11.000 плѣнныхъ Псковичей, поселивъ ихъ возлѣ Гродны.

Военныя дѣйствія съ Москвой онъ закончилъ только въ 1409 году, заключивъ *дружественный* договоръ, по которому границей назначена была рѣка Угра въ Калужской губерніи.

Интересно, что Витовту въ войнѣ съ Москвой помогалъ Орденъ, приславшій ему въ помощь нѣмецкій отрядъ, но не задолго предъ тѣмъ воевавшій съ тѣмъ-же Витовтомъ.

И теперь, по заключеніи мира съ Москвой, когда обезпеченъ былъ внутренній порядокъ и спокойствіе на сѣверовосточныхъ границахъ, отношенія Витовта съ Орденомъ вновь принимаютъ натянутый характеръ главнымъ образомъ изъ-за остававшейся подъ властью Ордена Западной Жму-

ди. Въ 1409 году Жмудскіе бояре, притѣсняемые рыцарями, стали выселяться въ Литву со своими людьми. Рыцари, подозрѣвая Витовта въ подстрекательствѣ, были очень недовольны. Витовтъ жаловался Великому Магистру на комтура Бранденбурскаго за то, что комтуръ называлъ его измѣнникомъ („Codex epist. Vitoldi", № 171). Великій-же Магистръ жаловался Ягайлѣ, что Витовтъ послалъ на Жмудь своего начальника, который произвелъ тамъ возмущеніе (тамъ-же, № 181). Ягайла отвѣтилъ, что поляки готовы поддержать Витовта въ борьбѣ съ Орденомъ. Тогда рыцари захватили на Вислѣ польскіе суда, шедшіе съ хлѣбомъ въ Литву (тамъ-же, № № 187, 188, 985, 986).

Положеніе рыцарей на Жмуди становилось критическимъ.

Между тѣмъ разладъ съ рыцарями побудилъ Витовта сблизиться съ татарскими князьями, которые и до того времени сами уже заискивали у него. Многіе татаре были даже на службѣ у Витовта (тамъ-же, № 188).

Вполнѣ такимъ образамъ обезпечивъ восточный тылъ Витовтъ рѣшился на серьезную борьбу съ Прусскимъ Орденомъ.

Въ м. августѣ 1409 года онъ стоялъ уже съ войсками наготовѣ у гор. Каунасъ и послалъ Великому Магистру Ордена письмо съ перечисленіемъ обидъ, нанесенныхъ ему Орденомъ. Кромѣ того, и Витовтъ, и Ягайла отдѣльно отъ себя, обратились къ духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ Германіи съ письмами, въ которыхъ излагались обвиненія противъ Ордена.

Въ отвѣтъ на письма Орденъ вступилъ въ предѣлы Польши. Началась война, которая въ 1410 году роковымъ образомъ отразилась на судьбахъ Ордена. Въ виду того, что отношенія Витовта Великаго къ Прусскому Ордену крестоносцевъ часто мѣнялись кореннымъ образомъ и имѣли самый разнообразный характеръ, интересно *хотя-бы приблизительно* показать общую сводку этихъ отношеній за время съ 1377 года по 1409 годъ, когда началась война, приведшая въ 1410 году къ Грюнвальдскому бою, гдѣ Витовтомъ сокрушена сила Прусскихъ крестоносцевъ.

Съ 1377 г. по 1382 г. — большей частью враждебныя отношенія.

Съ 1382 г. по 1384 г. — дружественныя.

Съ 1384 г. по 1389 г. — неровныя, частью мирныя, частью враждебныя.

Съ 1389 г. по 1392 г. — дружественныя.

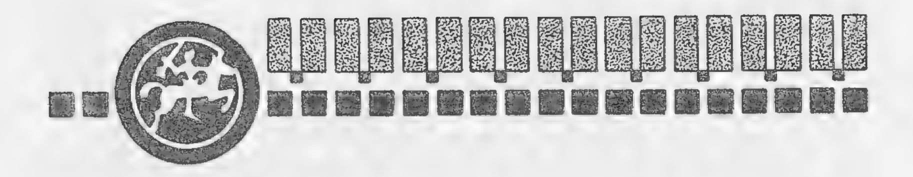
Съ 1392 г. по 1398 г. — частью мирныя, частью враждебныя.

Съ 1398 г. по 1401 г. — мирныя.

Съ 1401 г. по 1404 г.—враждебныя, частью и мирныя.

Съ 1405 г. по 1409 г. — болѣе или менѣе мирныя.

Съ 1409 г. — враждебныя, а въ 1410 г. — разгромъ Витовтомъ Орденскихъ войскъ подъ Грюнвальдомъ.

ГЛАВА СЕДМАЯ.

Грюнвальдскій бой 1410 года 15 іюля. Полный разгромъ Орденскихъ войскъ. Витовтъ Великій оцѣниваетъ послѣдствія разгрома крестоносцевъ и уводитъ свои войска изъ Пруссіи. Ягайла неудачно продолжаетъ войну. Мирный договоръ съ Орденомъ, „выгодный для Литвы и постыдный для Польши". Витовтъ принимаетъ отъ Ордена западную Жмудь. Ореолъ славы окружаетъ имя Витовта въ Европѣ. Возобновленіе дружескихъ отношеній Витовта съ Орденомъ. Тревоги поляковъ по поводу возрастающей самостоятельности Витовта и Великаго Княжества.

Съ началомъ войны съ Орденомъ между Витовтомъ Великимъ и Ягайлой было полное согласіе, хотя извнѣ были попытки разъединить ихъ. Такъ, Императоръ Германскій и король Венгерскій Сигизмунтъ, ненавидя Ягайлу, пытался отдѣлить отъ него Витовта и въ м. февралѣ 1410 года предлагалъ Витовту королевскую корону, но Витовтъ Великій отклонилъ это предложеніе. Съ другой стороны Богемскій король Венцеславъ предлагалъ свое посредничество Ягайлѣ, который согласился принять посредничество, но съ условіемъ, что отъ помощи Витовту онъ не откажется. Тѣмъ временемъ стороны собирали войска и союзниковъ.

На помощь Ордену прислали свои отряды князь Земовитъ Мазовецкій и князь Богуславъ Поморскій.

Витовтъ и Ягайла собрали огромное войско. „Литва и Польша никогда не выставляли въ полѣ столько войскъ подъ оружьемъ" (Д. Бантышъ-Каменскій „Исторія Мал. Руси", ч. I. стр. 48). „Исчисляли до 160.000 воиновъ".

ЗАМОКЪ ВЪ КАУНАСЪ.

У Ягайлы кромѣ польскихъ были Богемскіе и Моравскіе отряды.

У Витовта полки были изъ Жмуди, Литвы и Руси, а также отряды татаръ, князя Мазовецкаго Януша и одного изъ Поморскихъ князей. Изъ Руси между прочимъ были полки: Гродненскіе, Волынскіе, Кіевскіе, Пинскіе, Витебскіе, Полоцкіе, Смоленскіе.

Великій Магистръ Ордена, очевидно, встревоженный большими силами противниковъ, жаловался Папѣ и правителямъ Западной Европы, что „Витовтъ дружитъ съ схизматиками руссинами и съ нехристями жмудинами и татарами, — и этимъ угрожаетъ всему католическому міру" („Codex epistolaris Vitoldi", № 206; А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика", гл. V, 128).

Военныя дѣйствія собственно открылись весною 1410 года. Въ м. маѣ заключено было перемиріе „до Иванова дня" (24 іюня). На документѣ о перемиріи имѣются печати Витовта и Виленскаго епископа („Codex epist. Vit.", № 208).

Въ м. іюнѣ 1410 года *Витовтъ стянулъ свои войска* къ р. Нареву. Поляки также подходили сюда и по пути сожгли городъ Гильгенбургъ.

Рыцари, предводимые Вел. Магистромъ Юнгингеномъ, стояли у г. Остероде, между Таненбергомъ и Грюнвальдомъ.

Въ „Исторіи Малыя Руси" Дм. Бантышъ-Каменскаго (ч. I, стр. 48—51) имѣемъ интересное описаніе этого момента. „Ягайла занимался молитвами, когда вѣсть о приближеніи непріятеля распространилась въ лагерѣ. Тщетно полководцы польскіе уговаривали его принять начальство надъ войсками. Окруженный духовенствомъ, продолжалъ онъ молиться, между тѣмъ какъ мужественный князь Литовскій устраивалъ полки въ боевой порядокъ.

Поляки составляли лѣвое крыло. Литовско-русскіе полки были на правомъ крылѣ. Центръ занимали выборные польскіе полки и иностранные. Съ прибытіемъ короля начались небольшія стычки. Обѣ арміи уже готовились открыть огонь изъ орудій, какъ отъ рыцарей выѣхали два герольда для переговоровъ. Герольды поднесли Ягайлѣ и Витовту

два окровавленные меча и сказали: „вотъ даръ Магистра нашего; не страшимся снабжать васъ оружіемъ для воодушевленія храбрости вашей. Если мѣсто, вами занимаемое, слишкомъ кажется тѣснымъ, мы готовы отступить, чтобы свободнѣе могли вы дѣйствовать противъ насъ“. Ягайла отвѣтилъ: „Скажите вашему Магистру, что я и братъ мой удивляемся поспѣшности, съ какою кавалеры кладутъ оружіе; мы пріемлемъ съ радостью мечи, какъ хорошее предзнаменованіе, и надѣемся въ скоромъ времени присоединить къ нимъ остальные“.

Битва началась. „Витовтъ со своими полками устремился на лѣвое крыло рыцарей. Сильный ружейный огонь и множество стрѣлъ не поколебали мужества его воиновъ. Дошло до ручного боя. *Медленно приближались поляки на помощь Витовту*. Благодаря медлительности поляковъ, Магистръ послалъ изъ своего праваго крыла нѣсколько эскадроновъ для подкрѣпленія лѣваго. Литовско-русскіе полки вынуждены были отступать. Тогда поляки устремились на обезсиленное уходомъ конницы правое крыло рыцарей и опрокинули его. Но въ это время освободившееся лѣвое крыло рыцарей напало съ фланга на польскій центръ. Богемцы и Моравцы бѣжали, а Поляки едва держались. *Тогда тѣлохранители увлекли Ягайлу въ лагерь*. Начальство надъ войсками принялъ Витовтъ. Онъ успѣлъ остановить свои полки и задержать Богемцевъ и двинулъ ихъ на помощь центру. Искусный въ военномъ дѣлѣ Витовтъ пользовался малѣйшими ошибками рыцарей. Такъ, нѣсколько рыцарскихъ эскадроновъ, увлеченныхъ своей храбростью и отдѣлившихся отъ главнаго войска, были немедленно окружены и истреблены. Стараясь исправить безпорядокъ въ своихъ рядахъ, прусскіе рыцари своей горячностью еще болѣе оный умножали. Обезсиленные потерей убитыхъ и раненныхъ, рыцари частью кладутъ оружіе, частью обращаются въ бѣгство. Магистръ Ордена останавливаетъ бѣгущихъ, отступаетъ въ свой лагерь и, устроивъ изъ возовъ рогатки, защищается. Сопротивленіе увеличиваетъ ожесточеніе въ полкахъ Витовта. Они ниспровергаютъ рыцарей и истребляютъ ихъ. Магистръ, множество комтуровъ и до 50.000 ихъ воиновъ

пали на полѣ битвы, а 14.000 отдаются въ плѣнъ. Плѣнныхъ Витовтъ приказываетъ заковать въ цѣпи, которыя приготовлены были въ лагерѣ рыцарями для литовцевъ и поляковъ". (Тамъ-же у Дм. Бант.-Каменскаго).

Витовтъ Великій одержалъ эту знаменитую побѣду. Поляки приписываютъ ее себѣ, замалчивая, что самого Ягайлу отъ плѣна и гибели спасли Литовскія части, и создали легенду, что Ягайлу спасъ будто-бы Збигнѣвъ Олесницкій. Но вѣдь исторія пишется не анекдотами, а фактами...

Это страшное пораженіе, сокрушившее силу рыцарей Прусскаго Ордена, произошло 15 іюля 1410 года и по достоинству окружило имя Витовта Великаго ореоломъ славы у правителей и народовъ Западной Европы.

Не въ интересахъ Витовта и Великаго Княжества было окончательно добивать Орденъ и тѣмъ усиливать Польшу. Витовтъ не оставлялъ мысли отгородиться отъ Польши, и Орденъ могъ еще пригодиться ему („Витовтъ и его политика", гл. V, 130). Prochazka въ „Ostatnie lata Witolda" говоритъ, что Витовтъ будто избѣгалъ даже мысли объ отдѣленіи Литвы отъ Польши. Но проф. Дашкевичъ въ статьѣ „Политическіе замыслы Витовта" („Кіевскія Универс. Извѣстія", 1883 г. октябрь) называетъ мысль Прохаски *совершенно несостоятельной.* Поэтому послѣ Грюнвальдскаго боя Витовтъ не помогалъ Ягайлѣ добивать рыцарей. Между тѣмъ Ягайла, воодушевленный побѣдой, одержанной Витовтомъ, и „воспрянувшій духомъ" (Бант.-Каменскій) пошелъ брать беззащитные города рыцарей и занялъ почти всю Пруссію. Дошелъ уже до Маріенбурга, гдѣ новый магистръ, благодаря медлительности Ягайлы, лишеннаго помощи Витовта, успѣлъ организовать защиту. Ягайла не смогъ взять Маріенбурга. Подъ угрозой вторженія въ Польшу Венгерскаго короля, осада была снята, и Ягайла вынужденъ былъ очистить Пруссію.

Гораздо ранѣе этого Витовтъ, подъ предлогомъ развившейся въ его войскахъ болѣзни, вывелъ свои полки въ Литву. Предъ этимъ онъ встрѣтился съ Ливонскимъ Магистромъ, спѣшившимъ на помощь Прусскому Ордену и черезъ него вошелъ въ соглашеніе съ послѣднимъ.

Прусскій Орденъ отказался отъ Западной Жмуди въ пользу Витовта.

При содѣйствіи Витовта, въ 1411 году въ гор. Торнѣ заключенъ былъ довольно выгодный для Ордена миръ. Всѣ завоеванные Ягайлой города и всѣ плѣнные возвращены были Ордену, который выплатилъ Витовту и Ягайлѣ 200.000 флориновъ. Сенатъ одобрилъ этотъ договоръ „выгодный для Литвы, но постыдный для Польши“ (Д. Бант.-Каменскій „Исторія Мал. Р.“, ч. I, стр. 52).

Великое Княжество Литовское сдѣлалось крупной политической величиной въ Европѣ. Германскій императоръ Сигизмунтъ завязалъ непосредственныя сношенія съ Витовтомъ. Прусскій и Ливонскій Ордена не только непосредственно сносились съ нимъ, но черезъ него и съ Ягайлой. Хотя Витовтъ въ общемъ дружественно держалъ себя въ отношеніи къ Ягайлѣ, но въ сношеніяхъ его съ Императоромъ и Орденами поляки видѣли „козни и махинаціи“, направленныя къ расторженію уніи Литвы съ Польшей (Любавскій „Очеркъ Исторіи Литов.-Русск. Госуд.“, гл. IX, 52), — и это вызывало въ нихъ большую тревогу и опасенія. Опасенія поляковъ питались впрочемъ не только предполагаемыми ими „кознями и махинаціями“. *Они видѣли,* что за послѣднее десятилѣтіе Великое Княжество Литовское усилилось; тяжелыя послѣдствія пораженія на р. Ворсклѣ сгладились. Мудрая дипломатическая работа Витовта Великаго и рядъ блестящихъ военныхъ успѣховъ его, кончая Грюнвальдскимъ боемъ, высоко выдвинули личность Витовта и заслонили собою имя Ягайлы. И это замѣтно было не только въ отношеніяхъ правителей Европы къ Витовту и къ Великому Княжеству Литовскому, но и отразилось въ сознаніи пановъ и бояръ Литовскихъ, какъ ближайшихъ сотрудниковъ Великаго Князя и помощниковъ его по управленію страной. Возраставшія слава и величіе Великаго Князя Литовскаго будили въ нихъ національную гордость. Соблазнъ надданныхъ имъ *Польскимъ королемъ привилегій и вольностей польской шляхты* невольно тускнѣлъ предъ свѣтлымъ лицомъ *своего знаменитаго Великаго Князя и предъ идеей независимаго Великаго Княжества Литовскаго.*

И дѣйствительно было чѣмъ гордиться. На сѣверо-востокѣ предѣлы Великаго Княжества были расширены и закрѣплены благопріятными для Литвы договорами съ Москвой, Новгородомъ и Псковомъ. Въ Татарской Ордѣ престижъ возстановленъ, и голосъ Великаго Князя теперь уже рѣшалъ даже исходъ борьбы между претендентами на ханскій престолъ. Прусскій Орденъ былъ обезвреженъ и заискивалъ предъ Витовтомъ Великимъ. И всѣ эти успѣхи въ короткое время достигнуты были геніемъ и трудами его и не могли не отражаться на отношеніяхъ къ Польшѣ. Поляки видѣли это и чувствовали, — и искали средствъ удержать Литву отъ разрыва съ Польшей. Нужно было скрѣпить существующую еще пока связь цѣпями болѣе крѣпкими и прочными, но нечувствительными и тонкими, какъ паутина. И поляки нашли такіе цѣпи и надѣли ихъ на Литовскихъ пановъ и бояръ актами извѣстнаго Городельскаго Сейма 1413 года, увлекши ихъ къ сближенію съ польскими магнатами и панами и надѣливши Литву такой-же законодательной властью и высшими должностями какъ и въ Польшѣ. Литва заснована была теперь цѣпкой польской паутиной, разорвать которую, какъ показали послѣдствія, затруднился даже геніальный умъ и сильный характеръ Витовта Великаго. Въ Литву внесена была бацилла разложенія, и Витовтъ Великій въ своихъ панахъ и боярахъ послѣ Городельскаго Сейма не находилъ уже той твердой почвы, на которой только могло возсоздаться прочное зданіе Независимаго Великаго Княжества Литовскаго.

Ухудшеніе отношеній между Польшей и Прусскимъ Орденомъ, который имѣлъ поддержку въ Германскомъ Императорѣ, и угроза новой войны повисли надъ Польшей. Поляки не имѣли увѣренности, придетъ-ли имъ Литва на помощь въ случаѣ войны съ Орденомъ, потому что послѣ Грюнвальда между Витовтомъ Великимъ и Орденомъ установились отношенія мирныя и даже дружелюбныя. Нужно было искать выхода, и поляки нашли его въ актахъ Городельскаго Сейма.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Генеральный Сеймъ въ Городлѣ. Городельскіе акты 2 октября и 2 декабря 1413 года и роковыя послѣдствія ихъ для Вел. Княж. Литовскаго. Посильная оцѣнка значенія Городельскихъ актовъ для послѣдующихъ судебъ Литовскаго народа. Крещеніе Жмуди, возстаніе Жмудиновъ. Третій бракъ престарѣлаго Ягайлы и значеніе этого брака для Литвы.

Въ 1413 году Ягайла повелѣлъ собрать въ г. Городлѣ (на р. Бугѣ, въ Белзкомъ воеводствѣ) Генеральный Сеймъ изъ Польскихъ и Литовскихъ представителей, Главнымъ заданіемъ Сейма было опредѣлить взаимныя отношенія между Литвой и Польшей.

1413 года, 2 октября подписанъ былъ Литовскими и Польскими представителями актъ, подтверждающій Кревскій и Волковысскій акты 1385 и 1386 годовъ и Виленскіе акты 1401 года о Литовско-Польской уніи. Городельскій актъ болѣе опредѣленно закрѣпляетъ связь между обоими государствами и послужилъ основой для позднѣйшаго Люблинскаго акта 1569 года, обратившаго Великое Княжество Литовское въ провинцію Польской короны, со ссылкой именно на Городельскій актъ.

Проф. Любавскій говоритъ, что *„составители акта Городельской уніи вложили въ уста Ягайлы и Витовта, съ желаніемъ особо подчеркнуть, такія слова, какими только можно было обозначить сліяніе этихъ обоихъ государствъ въ одно“*. Ягайла и Витовтъ заявляли въ докумен-

тахъ“ (конечно, по усердію составителей), „что свои земли, коими они полноправно, непосредственно и посредственно, владѣли и владѣютъ до сихъ поръ, какъ законные государи, *они вновь инкорпорируютъ* и втѣляютъ въ Королевство Польское: присваиваютъ ихъ ему, объединяютъ и соединяютъ съ нимъ, связываютъ союзъ и навсегда скрѣпляютъ, — *по волѣ, одобренію и согласію прелатовъ, пановъ и шляхты Великаго Княжества* (Любавскій „Очеркъ Ист. Литов.-Русск. Госуд.“, гл. IX, стр. 53).

О полномъ сліяніи Литвы съ Польшей говоритъ собственно второй Городельскій актъ, составленный 2 декабря того-же 1413 года самими поляками безъ участія Литовцевъ. Это подтверждаютъ „Памятники русской старины въ Западн. губ.“, вып. VIII, стр. 109—110 (Батюшковъ „Бѣлор. и Литва“, примѣч. 151 къ стр. 106).

Авторомъ обоихъ актовъ былъ канцлеръ Ягайлы Збигнѣвъ Олесницкій.

Особое значеніе по своимъ послѣдствіямъ имѣли два пункта Городельскаго акта 2 октября.

Одинъ изъ нихъ предоставлялъ Литовцамъ учредить у себя, но образцу Польскихъ, Сенатъ и высшія должности: воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ дворныхъ и земскихъ, старостъ земскихъ, — которыми главнымъ образомъ и заполнялись мѣста въ Сенатѣ, какъ въ высшемъ правительственномъ учрежденіи. Литовскій Сенатъ получалъ голосъ и въ избраніи польскихъ королей наравнѣ съ Сенатомъ Польскимъ. Такимъ образомъ на учрежденія Великаго Княжества Литовскаго Городельскій Сеймъ наложилъ клеймо Польской государственности и этимъ положилъ путь къ сближенію Литовской правящей знати съ Польской (Любавскій).

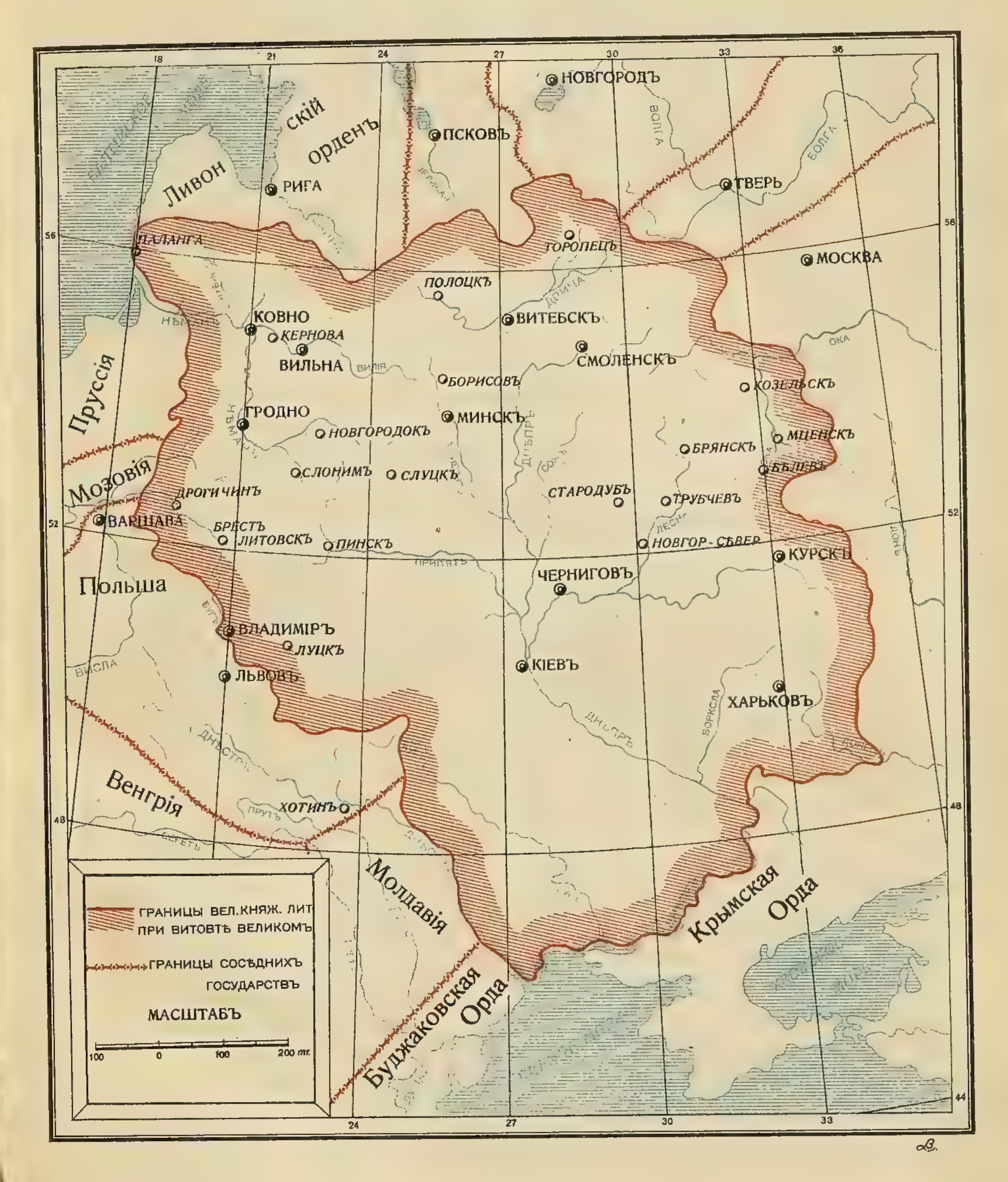
Сближеніе это углублялось другимъ пунктомъ, по которому Литовскіе паны и бояре, по выбору Великаго Князя, могли приписываться къ польскимъ родовымъ гербамъ. Далѣе, въ среду самой Литовской знати внесенъ расколъ. Право приписываться къ гербамъ, засѣдать въ Сенатѣ, занимать высшія должности и пользоваться иными привилегіями могли только римско-католики; „схизматики-же и прочіе невѣрные (et alii infideles) лишались всѣхъ этихъ правъ“.

Это уже получалась государственная схизма: старый девизъ „divide et impera“ (раздѣляй и властвуй), какъ острый клинъ, воткнутъ былъ въ живое тѣло Великаго Княжества. Литовское боярство зашаталось и, отходя отъ завѣтныхъ національныхъ основъ, стало прельщаться Польшей. Дм. Бантышъ-Каменскій такъ своеобразно говоритъ объ этомъ: „Такимъ образомъ Ягайла тонкой политикой оковалъ могущество Витовта и одушевилъ народы, ему подвластные, посредствомъ образовавшейся въ Литвѣ законодательной власти“, разумѣя, конечно, подъ „подвластными народами“ Литовскихъ пановъ и бояръ („Исторія Малыя Руси“, ч. I, 52).

Ограниченіе-же въ правахъ православныхъ князей и бояръ отгородило прежде всего литовцевъ-католиковъ отъ православныхъ литовскихъ руссиновъ и православныхъ литовцевъ, которыхъ въ то время было также не мало даже среди Гедиминовичей и Ольгердовичей. До 1387 года, какъ извѣстно, Литвѣ неизвѣстна была религіозная рознь, и принадлежность къ той или другой религіи не отражалась на гражданскихъ правахъ, — религіи уживались между собой мирно.

Впрочемъ, пока живъ былъ Витовтъ Великій, акты Городельскаго сейма мало отражались во внутренней жизни Великаго Княжества Литовскаго. Вѣротерпимый, равно ко всѣмъ народностямъ своего обширнаго государства относившійся, сильный своимъ авторитетомъ и личными достоинствами, Витовтъ Великій управлялъ страной не по указамъ изъ Городли или изъ Кракова, а по своему генію, — по этому посѣянныя изъ Городли соблазнъ и рознь не выходили наружу. Личность Витовта Великаго доминировала надъ всей *тонкой* политикой Ягайлы, Збигнѣва Олесницкаго и польскихъ магнатовъ и настолько импонировала полякамъ, что они, сплетая въ интересахъ Польши Городельскіе акты, *вынуждены были сдѣлать Витовту и въ его лицѣ независимости Великаго Княжества Литовскаго существенную уступку.* И если-бы, по смерти Витовта, Литва имѣла достойныхъ его имени преемниковъ и, по словамъ Стрыйковскаго, „potężnych a mądrych senatorów“, то не была-бы „uwichlana“, —

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ ПРИ ВИТОВТѢ ВЕЛИКОМЪ (1392—1430)

и самые Городельскіе акты получили-бы совсѣмъ другое историческое освѣщеніе.

Проф. Любавскій такъ говоритъ объ этомъ.

„Въ Городельскихъ актахъ была *существенная уступка Литовской самостоятельности:* въ нихъ нѣтъ уже упоминанія о томъ, чтобы, по смерти Витовта, Великое Княжество Литовское поступало подъ непосредственную власть Ягайлы и его преемниковъ. Напротивъ, въ актахъ говорится о томъ, что въ случаѣ смерти Витовта Литовскіе бояре и шляхта (barones et nobiles) никого не изберутъ и не возьмутъ себѣ въ великіе князья кромѣ того, кого признаютъ подлежащимъ избранію король Ягайла, или его преемникъ, и прелаты, паны и шляхта Королевства Польскаго. Съ своей стороны польскіе прелаты, паны и шляхта обѣщали въ случаѣ прекращенія рода Ягайлы не выбирать никого въ короли безъ вѣдома и совѣта Великаго Князя Литовскаго, прелатовъ, пановъ и шляхты Великаго Княжества Литовскаго. Такимъ образомъ актомъ 1413 года Литва получала гарантіи того, что и по смерти Витовта она будетъ имѣть особыхъ великихъ князей и останется и впредь особымъ государствомъ подъ суверенитетомъ Польскаго Короля". („Очеркъ Исторіи" Литовско-Русск. Госуд.", гл. IX, стр. 52—53).

Тотчасъ послѣ Городельскаго Сейма Ягайла и Витовтъ отправились на Жмудь крестить въ католичество жмудиновъ. Прусскіе рыцари еше ранѣе, но не прочно, насаждали здѣсь р.-католическую вѣру и даже устроили на Жмуди нѣсколько католическихъ храмовъ, какъ въ Веліонахъ, въ Кейданахъ около 1403 года. При объѣздѣ Жмуди Ягайла самъ по-литовски объяснялъ жмудинамъ христіанское ученіе. По распоряженію Ягайлы и Витовта въ это время устроены были храмы: въ Мѣдникахъ — Ворняхъ, въ Каунасѣ, Крожахъ, Эйраголѣ, Водуклѣ, Утянахъ и въ другихъ мѣстахъ. Вскорѣ-же, именно въ 1417 году, по опредѣленію Констанцскаго Собора, Папа Мартинъ V учредилъ въ Ворняхъ для Жмуди особую епископскую кафедру, куда назначенъ былъ епископъ Матфей нѣмецъ, уроженецъ г. Вильны, знавшій жмудскій языкъ. Впрочемъ и теперь положеніе католичества на Жмуди было шаткое. Уже въ 1418 году Ви-

товту пришлось идти на усмиреніе жмудиновъ, возставшихъ противъ католическаго духовенства. Они разрушали христіанскіе храмы; священниковъ однихъ изгоняли, другихъ убивали, — и вновь возвращались къ своей старой вѣрѣ. Пришлось принять суровыя мѣры, — до 60 человѣкъ было казнено и возстаніе потушено. Но и послѣ того прошло еще не мало времени, пока жмудины утвердились въ новой вѣрѣ.

Между тѣмъ опасенія поляковъ относительно Прусскаго Ордена сбылись. Въ 1414 году Прусскіе рыцари напали на Польшу и начали грабить и жечь польскіе города и деревни. Ягайла объявилъ „посполитое рушеніе", т. е. всеобщее вооруженіе. Хотя Витовтъ имѣлъ мирный договоръ съ Пруссіей, но, по условіямъ Городельскаго акта, долженъ былъ выступить противъ Ордена. Война принимала неблагопріятный для Ордена оборотъ, но Витовтъ, воспользовавшись обращеніемъ Папы Іоанна XXIII къ Ягайлѣ съ просьбой о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, увелъ свои войска изъ Пруссіи. Ягайла, затрудняясь одинъ продолжать войну, прекратилъ ее. Дм. Бантышъ-Каменскій, говоря объ этомъ, замѣчаетъ: „Такъ умѣлъ отомстить Витовтъ Ягайлѣ за Генеральный (Городельскій) Сеймъ!" („Исторія Мал. Руси", ч. I, стр. 53).

Въ 1416 году Витовту пришлось отражать нападеніе на Литовскія восточныя области хана Кипчакской Орды Эдигея, стараго врага Витовта. Эдигей не мирился съ тѣмъ, что Витовтъ вмѣшивался во внутреннія дѣла Татарскихъ Ордъ. Эдигей подошелъ къ Кіеву, но взять его не могъ и предложилъ Витовту миръ, при чемъ прислалъ ему въ подарокъ трехъ покрытыхъ краснымъ сукномъ верблюдовъ и двадцать семь дорогихъ коней (Бант.-Каменскій „Исторія Мал. Руси", ч. I, 53; Карамзинъ „Истор. Госуд. Росс.", т. V, стр. 208).

Въ 1425 году умеръ зять Витовта Великій Князь Московскій Василій II. Умирая, онъ назначилъ Великаго Князя Витовта опекуномъ несовершеннолѣтняго наслѣдника своего Василія III Васильевича, который по матери своей Софьѣ Витовтовнѣ былъ роднымъ внукомъ Витовта. Дѣдъ мирно

жилъ со своимъ молодымъ внукомъ и не вмѣшивался въ Московскія дѣла, хотя съ покойнымъ зятемъ своимъ воевалъ неоднократно.

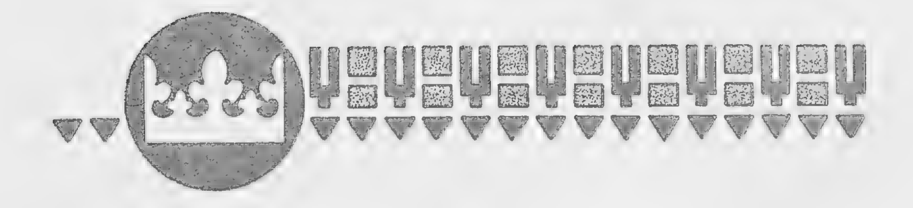
Городельскіе акты не помѣшали усиленію Великаго Княжества Литовскаго и не разсѣяли опасеній поляковъ о возможности отдѣленія Литвы, — они продолжали хлопотать о вѣчномъ соединеніи ея съ Польшей.

Поляковъ особенно угнетало то обстоятельство, что Ягайлѣ перевалило за 70 лѣтъ, а дѣтей у него не было. Первая жена его Ядвига умерла 29 лѣтъ отъ роду въ 1399 году бездѣтной. Ягайлѣ устроили второй бракъ въ 1402 году на внучкѣ польскаго короля Казиміра Великаго Аннѣ, графинѣ Циліусъ, но и Анна умерла, не оставивъ Ягайлѣ наслѣдниковъ. Въ случаѣ смерти Ягайлы связь Литвы съ Польшей порывалась, — прямыхъ наслѣдниковъ его не было. Поляки не могли допустить этого. И вотъ 75 лѣтнему Ягайлѣ въ 1421 году устраиваютъ третій бракъ на племянницѣ Витовта Софьѣ. Вскорѣ одинъ за другимъ появляются у Ягайлы два сына — Владиславъ и Казиміръ (впослѣдствіи польскій король Владиславъ III, убитый подъ Варной въ 1445 году; Казиміръ Ягайловичъ съ 1440 по 1447 — Великій Князь Литовскій, а съ 1447 по 1492 г. Казиміръ IV король Польскій и Великій Князь Литовскій). Относительно королевы Софьи пошли разные слухи. Сами прелаты и магнаты польскіе относились, очевидно, *съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ этимъ наслѣдникамъ Ягайлы*, потому что уже въ 1426 году на Ленчицкомъ сеймѣ „много думали и говорили о томъ, какъ-бы помѣшать отдѣленію Литвы отъ Польши, о чемъ снова сталъ думать Витовтъ“ (С. Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. IV, 1093; Дм. Бантышъ-Каменскій „Исторія Мал. Руси“, ч. I, 55; Solignac „Histoire generale de Pologne“, t. III, p. 345—349). На Гродненскомъ-же сеймѣ слѣдующаго 1427 года открыто обсуждались обвиненія Софьи въ невѣрности Ягайлѣ. Ягайла собирался отослать ее.

Но такой оборотъ дѣла угрожалъ интересамъ Польши. Лишеніе сыновей Софьи правъ королевскаго наслѣдованія обнажало вопросъ о связи Литвы съ Польшей, поэтому „вельможи польскіе вступились за достоинство своего госу-

даря". „Семь почетныхъ женщинъ присягой засвидѣтельствовали невинность королевы. Ягайла успокоился и примирился съ Софьей" „(Дм. Бантышъ-Каменскій „Истор я Мал. Руси", ч. I, стр. 55).

Польскіе историки, а со словъ ихъ и нѣкоторые русскіе, видятъ въ дѣлѣ съ Софьей интригу Витовта, который будто-бы въ какихъ-то цѣляхъ старался вооружить Ягайлу противъ Софьи. Но оборотная сторона дѣла можетъ свидѣтельствовать лишь о томъ, что совсѣмъ не въ интересахъ польскихъ прелатовъ и магнатовъ было развѣнчивать прямыхъ наслѣдниковъ Ягайлы, — они тогда особенно нужны были Польшѣ. Чтобы укрѣпить общественное мнѣніе въ благопріятномъ взглядѣ на это дѣло, тогдашніе руководители польской политики — прелаты и магнаты — и выдвинули версію объ интригѣ Витовта. Эта версія легко была принята уже потому, что вопросъ о связи Литвы съ Польшей въ то время вновь принималъ острый оборотъ, и притомъ, конечно, въ связи съ именемъ Витовта.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Совѣщаніе въ г. Луцкѣ (резиденціи Витовта) въ 1429 году. Предложеніе Витовту Великому Литовской королевской короны. Согласіе Ягайлы. Интриги Збигнѣва Олесницкаго и польскихъ магнатовъ. Малодушіе Ягайлы. Коронаціонный съѣздъ главъ Европейскихъ государствъ къ Витовту въ г. Троки въ 1430 году. Поляки на своей границѣ задержали пословъ Императора, везшихъ Литовскую Королевскую Корону. Болѣзнь и смерть Витовта Великаго. Ближайшіе преемники его: Свитригайла Ольгердовичъ и Сигизмундъ Кестутьевичъ. Предложеніе Витовту Великому Чешской Короны.

Императоръ Германскій Сигизмундъ, всегда бывшій на сторонѣ Витовта, находился теперь въ очень затруднительномъ положеніи по случаю войны съ Турками и возстанія Гусситовъ. Онъ расчитывалъ на помощь Витовта и говорилъ: „Вижу, что король Владиславъ (Ягайла) простоватый и во всемъ подчиняется вліянію Витовта; нужно привлечь Витовта къ себѣ, чтобы посредствомъ его владѣть и Ягайлой (Długosz „Historia Poloniae", t. XI, 508; Соловьевъ „Исторія Россіи", т. IV, 1093; Solignac „Histoire gener. de Pologne", t. III, p. 351).

Начались переговоры. Рѣшено было свидѣться въ любимой резиденціи Витовта г. Луцкѣ, куда приглашенъ былъ и Ягайла. Въ 1429 году прибыли въ Луцкъ Императоръ Сигизмундъ, король Ягайла и много Литовскихъ и Польскихъ вельможъ. Императоръ Сигизмундъ предложилъ здѣсь Витовту принять королевское достоинство. Витовтъ, неодно-

кратно ранѣе отвергавшій такія предложенія, теперь, въ интересахъ независимости Великаго Княжества, соглашался, но хотѣлъ, чтобы и Ягайла далъ свое согласіе.

Императотъ принялъ на себя посредничество и началъ разговоръ съ Ягайлой. Ягайла съ начала высказалъ опасеніе, что корона Витовта оторветъ Литву отъ Польши. Тогда Императоръ увѣрилъ Ягайлу, что королевское достоинство не увеличитъ власти Витовта, который и „безъ короны имѣетъ большую власть и почетъ“, но, напротивъ, послужитъ къ славѣ и чести самаго Ягайлы: Ягайла въ числѣ своихъ подручниковъ будетъ имѣть вѣнценосца короля. Тогда Ягайла согласился на признаніе Витовта королемъ (С. Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. IV, 1094; Дм. Б.-Каменскій „Исторія Мал. Руси.“ гл. VI, 56).

По открытіи общаго совѣщанія, Императоръ уѣхалъ. Всѣ Литовскіе прелаты, князья и бояре горячо высказались въ пользу королевской короны (Любавскій „Очеркъ Исторіи Лит.-Р.Госуд.“, гл. 12, стр. 66). Нѣкоторые и Польскіе вельможи, убѣжденные Гнѣзненскимъ Примасомъ-Архіепископомъ, присоединили свои голоса къ Литовскимъ (Дм. Бантышъ-Каменскій, ч. I, стр. 56). Но упорное сопротивленіе оказалъ Краковскій епископъ Збигнѣвъ Олесницкій. Онъ выступилъ съ рѣчью, въ которой говорилъ о коварствѣ императора и о честолюбивыхъ замыслахъ Витовта, клонящихся къ погибели Польши; описывалъ услуги, оказанныя Ягайлой Витовту, при чемъ сказалъ, что Витовтъ не исполняетъ договоровъ и клятвенныхъ своихъ обѣщаній, и совѣтовалъ ему въ глубокой старости наслаждаться лучше воспоминаніемъ о знаменитыхъ подвигахъ своихъ, чѣмъ помрачать славу свою домогательствомъ наружнаго блеска. Въ концѣ еще добавилъ, *что при избраніи Ягайлы поляки руководствовались только духовнымъ благомъ Литовцевъ*, владѣнія которыхъ не могли представить имъ ничего лестнаго, потому что были всѣ почти опустошены и разобраны сосѣдними владѣльцами...“ (Бантышъ-Каменскій „Исторія Мал. Руси“, ч. I, стр. 56; Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. IV, 1094). Палатинъ Краковскій Янъ Тарновскій и другіе прелаты и магнаты польскіе поддержали Збигнѣва.

Разгнѣванный и оскорбленный Витовтъ, выходя изъ собранія, сказалъ: „Пусть такъ, а я найду средства сдѣлать по моему“.

Поляки-же стали упрекать Ягайлу: „Развѣ насъ ты сюда позвалъ, чтобы быть свидѣтелями отдѣленія отъ Польши *такихъ знатныхъ владѣній?*“...

Ягайла плакалъ и, отказываясь отъ даннаго имъ согласія, клялся, что никогда не давалъ согласія императору Сигизмунду и Витовту на отдѣленіе Литвы, и что онъ радъ хоть сейчасъ бѣжать изъ Луцка, куда они сами назначатъ. И точно. Прелаты и паны польскіе уѣхали днемъ, а Ягайла побѣжалъ за ними ночью“ (Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. IV, 1094; Długosz „Historia Poloniae“, t. XI, p. 520).

Малодушный Ягайла прислалъ въ оправданіе своего постыднаго поступка письмо, въ которомъ говорилъ, что коронація не обѣщаетъ ничего хорошаго и можетъ послужить только причиной раздора между Литвой и Польшей, потому что Литовцы по смерти Витовта, возгордившись могутъ, пожалуй, выбрать себѣ короля помимо поляковъ (Любавскій „Очеркъ Исторіи Литов.-Русск. Госуд.“, гл. XII, стр. 66).

Запахло войной между Литвой и Польшей, Витовта поддерживали Германскій Императоръ и Прусскій Орденъ. Ягайла и поляки испугались и рѣшили послать къ Витовту особое посольство, чтобы мирными средствами отклонить его отъ опаснаго для Польши рѣшенія.

Посланный въ Литву Збигнѣвъ Олесницкій говорилъ Витовту: „Корона королевская скорѣе уменьшитъ твое величіе. Между князьями ты первый, а между королями будешь послѣдній“. Миссія Збигнѣва осталась безрезультатной.

Витовтъ послалъ Ягайлѣ письмо, укоряя его, что онъ, по отъѣздѣ императора, взялъ назадъ свое согласіе и хочетъ сдѣлать народъ Литовскій и князя его вассалами Польши. О постыдномъ отказѣ Ягайлы отъ своего обѣщанія Витовтъ писалъ и императору Сигизмунду (Narbut „Dzieje starożytne narodu Litewskiego“, t. VI, 518, Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. IV, 1095).

Поляки были въ большой тревогѣ и вновь послали къ Витовту Збигнѣва Олесницкаго и палатина Яна Тарновскаго съ предложеніемъ Витовту принять корону польскую, которую уступаетъ ему Ягайла, по старости лѣтъ уже чувствующій себя неспособнымъ къ правленію.

Витовтъ отвѣтилъ, что считаетъ гнуснымъ дѣломъ принять польскую корону, отнявши ее у брата, и самъ не будетъ добиваться королевской короны, но если ее пришлютъ ему, то онъ не откажется принять (Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. IV, 1095; (Д. Бантышъ-Каменскій „Исторія Мал. Руси“, ч. I, стр. 57). Посольство опять вернулось въ Краковъ ни съ чѣмъ.

Тогда поляки стали возстанавливать противъ Витовта Папу Мартина V. Они внушали Папѣ, что *молодому католицизму въ Литвѣ угрожаетъ опасность, если Литва отдѣлится отъ Польши*, потому что издревле господствовавшая въ этихъ странахъ греческая вѣра опять возьметъ прежнюю силу и подавитъ только что водворившееся въ Литвѣ латинство.

Папа Мартинъ V немедленно обратился къ императору Сигизмунду съ требованіемъ не посылать короны въ Литву, а отъ Витовта требовалъ не принимать короны.

Получивъ папскую грамоту, Витовтъ писалъ въ 1430 году Польскому сенату, укоряя Ягайлу и сенатъ въ томъ, что они чернятъ его предъ Папой и предъ другими католическими владѣтелями, возбуждая противъ него общественное мнѣніе въ чужихъ странахъ.

Тревога поляковъ усилилась, когда въ Польшу дошла вѣсть, что Литовскіе бояре дали Витовту присягу служить ему противъ короля Ягайлы и Королевства Польскаго.

По рѣшенію Польскаго Сената, Збигнѣвъ Олесницкій вновь отправился въ Литву успокоить Витовта относительно Папскаго посланія. Витовтъ только сказалъ Збигнѣву, что если Литовскіе бояре и дали ему присягу, *то это домашнее Литовское дѣло.* Присяга бояръ дана для предохраненія Литвы вообще отъ внезапнаго нападенія враговъ.

Не достигнувъ ничего, Збигнѣвъ вернулся въ Краковъ. Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ.

Витовтъ Великій и Литовская паны-рада твердо рѣшили короновать Великое Княжество Литовское королевской короной. Поляки употребляли всѣ усилія и всевозможныя интриги, чтобы воспрепятствовать этому.

Еще въ 1429 году Витовтъ пригласилъ къ себѣ въ Троки на торжества коронаціи нѣкоторыхъ владѣтельныхъ особъ. Днемъ коронаціи назначено было 15 августа 1430 года — праздникъ Успѣнія Богоматери, но къ этому сроку запоздали послы императора, и торжество перенесено было на 8 сентября.

Съѣхалось много владѣтельныхъ особъ и множество Литовскихъ князей, пановъ и бояръ. Прибыли въ Троки: король Польскій Ягайла, великій князь Московскій (внукъ Витовта) Василій III и съ нимъ митрополитъ Московскій Фотій, король Датскій, гроссмейстеръ Прусскій, ландмаршалъ Ливонскій, господарь Валашскій, князь Мазовецкій, ханъ Крымско-Перекопскій, князь Тверской, князь Рязанскій, князь Одоевскій, посолъ Византійскаго императора, Папскій посолъ, послы Великаго-Новгорода и Пскова и др. Ждали пословъ Германскаго Императора съ короной.

„Это собраніе знаменитыхъ гостей у Витовта представляло зрѣлище рѣдкое, — они старались удивить хозяина великолѣпіемъ одеждъ и множествомъ слугъ, а хозяинъ удивлялъ ихъ роскошными пирами, коихъ не бывало въ Европѣ. Ежедневно изъ погребовъ княжескихъ отпускалось по 700 бочекъ меду кромѣ вина, романеи и пива. На кухню привозили 700 быковъ и яловицъ, 1400 барановъ, 100 зубровъ и столько-же лосей и кабановъ. Семь недѣль продолжались празденства въ Трокахъ, въ Вильнѣ“... (Дм. Бантышъ-Каменскій „Исторія Малыя Руси“, ч. I, стр. 57; Карамзинъ „Исторія Госуд. Россійск.“, т. V, 250).

Поляки приняли всѣ мѣры, чтобы не пропустить въ Литву посылаемой императоромъ Витовту короны. Они поставили по границѣ сторожевые отряды, чтобы задержать пословъ съ короной.

На границѣ Саксоніи и Пруссіи схвачены были послы Императора — Чигала и Ротъ —, которые ѣхали въ Литву съ извѣстіемъ, что вслѣдъ за ними слѣдуетъ посольство съ короной. Они везли съ собой *грамоту* Императора Витовту на королевскій титулъ. Поляки задержали пословъ и грамоту. Узнавъ-же о томъ, что вслѣдъ идетъ многочисленное знатнѣйшее посольство съ короной, поляки отрядили трехъ польскихъ магнатовъ съ большимъ отрядомъ войска. Эти *магнаты поклялись перехватить посольство съ короной* и не допустить короны въ Литву, чтобы помѣшать отдѣленію Литвы отъ Польши.

Приблизясь къ границѣ, посольство узнало о намѣреніяхъ поляковъ; послы испугались и возвратились къ императору (Długosz „Historia Poloniae", t. XI, 548; Соловьевъ „Исторія Россіи", т. IV, 1096; Дм. Бант.-Каменскій „Исторія Малыя Руси", ч. I, стр. 57; De Solignac „Histoire generale de Pologne", t. III, p. 359).

Вѣсть объ этомъ тяжело поразила престарѣлаго Витовта Великаго и потрясла его здоровье. Однако онъ не примирился съ этимъ насиліемъ поляковъ. Онъ послалъ приглашеніе Ягайлѣ прибыть въ Вильну.

Польскіе прелаты и паны, опасаясь въ такое время отпустить въ Литву Ягайлу одного, поручили Збигнѣву Олесницкому сопровождать его.

Между тѣмъ Императоръ Сигизмундъ, узнавъ о продѣлкахъ поляковъ, послалъ къ Витовту своихъ пословъ сообщить ему, что для коронаціи Витовтъ можетъ употребить изготовленную въ Вильнѣ корону и что это нисколько не помѣшаетъ признанію его королемъ.

Ягайла прибылъ въ Вильну. Витовтъ встрѣтилъ его съ большимъ торжествомъ, но самъ день ото дня становился слабѣе. Огорченія и лѣта подточили могучій его организмъ; особенной болью въ рыцарскомъ сердцѣ отзывалось вѣроломство и лицемѣріе Ягайлы, дерзость домогательствъ и насилія поляковъ.

И тутъ Ягайла увѣрялъ Витовта, что онъ лично радъ дать свое согласіе, но ничего не можетъ сдѣлать безъ согласія Збигнѣва, котораго приставили къ нему поляки: *нуж-*

но какъ-нибудь размягчить этотъ камень (Długosz „Historia Poloniae“, t. XI, 553; С. Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. IV, 1096).

Витовтъ пробовалъ „размягчить этотъ камень“ словами, дарами и угрозой лишить Збигнѣва Краковской епископіи, но тотъ „ad majorem Poloniae gloriam“ упорно стоялъ на инструкціи, имъ-же самимъ внушенной польскимъ магнатамъ и Ягайлѣ.

Оскорбительное для Витовта Великаго противодѣйствіе Збигнѣва Олесницкаго окончательно сокрушило жизненныя силы великаго Литовскаго героя и великаго борца за независимость Литовской земли.

Богато одаренный умъ, неистощимая жизненная энергія, свободолюбивый духъ привели его къ закладкѣ Дворца Свободы Литовскаго народа. Преодолѣвъ необычайныя трудности и препятствія на своемъ пути, онъ уже закладывалъ угловой камень въ фундаментъ, какъ смерть поразила его. Скончался Витовтъ Великій 1430 года, м. октября 27 дня.

Вся незаурядная жизнь Витовта Великаго есть отцовское завѣщаніе дальнѣйшимъ поколѣніямъ Литовскаго народа неодступно продолжать его дѣло, ради котораго онъ велъ такую тяжелую борьбу: успѣвалъ, терпѣлъ неудачи, снова успѣвалъ, но не падалъ духомъ и не сходилъ съ намѣченнаго пути, на которомъ впереди ярко горѣла прекрасная заря Независимости и Свободы родной Литвы.

Тѣло Витовта Великаго торжественно погребено въ склепѣ подъ Виленскимъ р.-католическимъ Кафедральнымъ Соборомъ.

* * *

По смерти Витовта Великаго тотчасъ-же началось расхищеніе поляками земель Великаго Княжества Литовскаго. Поляки заняли Подолію, вытѣснивъ оттуда Литовскихъ намѣстниковъ и урядниковъ и замѣнивъ ихъ своими. Но въ

важнѣйшемъ вопросѣ избранія преемника Витовту Великому поляки оставались еще подъ обаяніемъ личности его и не смѣли противодѣйствовать. Литовскія князья, паны и бояре избрали Великимъ Княземъ Литовскимъ Свитригайлу-Болеслава Ольгердовича, который „по старинѣ“, съ соблюденіемъ древняго Литовскаго ритуала, сопровождавшаго вступленіе новаго Великаго Князя, вышелъ къ народу въ великокняжескихъ доспѣхахъ, съ ключами отъ сокровищъ Витовта. Свитригайла занялъ великокняжескій столъ *отъ своего имени,* не упоминая имени короля Ягайлы. *Отвергая всякую зависимость Литвы отъ Польши,* Свитригайла укорялъ Ягайлу и даже грозилъ ему за захватъ поляками Подоліи.

Началась между Литвой и Польшей война. Ягайла осадилъ даже было Луцкъ, но взять его не могъ и принужденъ былъ заключить миръ съ Свитригайлой.

Не успѣвъ оружіемъ, поляки стали искать иные пути для удержанія Литвы. Тутъ опять главную роль сыгралъ тотъ-же Збигнѣвъ Олесницкій (Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. IV, 1101). Онъ воспользовался Городельскимъ актомъ 1413 г., по которому высшіе должности въ Великомъ Княжествѣ могли занимать только р.-католики. Великій князь Свитригайла, отвергая всякую связь съ Польшей, пренебрегалъ всякими актами, данными Ягайлой полякамъ, въ томъ числѣ и Городельскимъ. На высшія должности онъ назначалъ и католиковъ и „схизматиковъ“ (т. е. православныхъ)-при чемъ католикамъ казалось, что въ иныхъ случаяхъ онъ давалъ предпочтеніе „схизматикамъ“, хотя самъ былъ уже католикомъ. Это обстоятельство посѣяло въ средѣ Литовскихъ бояръ-католиковъ неудовольствіе противъ Свитригайлы. Этимъ и воспользовались поляки, выставивъ соперника Свитригайлѣ въ лицѣ младшаго брата Витовта — Сигизмунда Кестутьевича, князя Стародубскаго. Сигизмундъ при помощи поляковъ и Литовскихъ бояръ-католиковъ, устранивъ Свитригайлу, принялъ управленіе Великимъ Княжествомъ, *но поляки сразу-же ограничили его.* Ему дали въ наслѣдственное владѣніе одни Троки, а Волынь — въ пожизненное съ тѣмъ, что по его смерти Волынь должна была пе-

рейти отъ Литвы къ Польшѣ... Это все, что дали поляки Сигизмунду, но за то взяли отъ него много. По договору отъ 15 октября 1432 года, на основаніи Виленскихъ актовъ 1401 года, Сигизмундъ Кестутьевичъ обязался быть послушнымъ королю Ягайлѣ, *какъ Великому Князю Литовскому;* помогать Польшѣ во всѣхъ ея войнахъ, не имѣть дружескихъ отношеній съ Прусскимъ Орденомъ и съ врагомъ Польши Свитригайлой, отдать Польшѣ Подолію, а по его смерти и Волынь, не принимать королевскаго достоинста и признать за Ягайлой и его преемниками наслѣдственныя права на Великое Княжество Литовское... Договоръ этотъ подписали: самъ Сигизмундъ, сынъ его Михаилъ (впослѣдствіи ушедшій въ Москву) и Литовскіе паны-Рада. Для укрѣпленія въ Литвѣ положенія Сигизмунда самъ Ягайла прибылъ въ Литву. Встрѣченный въ Крынкахъ (близь Гродны) Сигизмундомъ и Литовскими боярами, Ягайла объявилъ, *что онъ повелѣваетъ Литовскимъ прелатамъ, князьямъ и боярамъ повиноваться Сигизмунду*, а не Свитригайлѣ.

Въ „Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей“ (т. III, 113) Сигизмуиду дается такая характеристика.

„Сей-же князь лютъ и нелитостивъ и сребролюбивъ паче всѣхъ человѣкъ, и много князей Литовскихъ погубилъ, инныя истопи, инныя погуби мечемъ, а пановъ и земскихъ людей не мало безъ милосердія изгуби“. Такъ, отъ него подъ топоромъ погибли: Трокскій палатинъ (воевода) Янушъ и гетманъ (маршалъ) Литовскій Румбольтъ. Онъ страдалъ болѣзненной подозрительностью, которая питалась дѣйствительно открывавшимися противъ него однимъ за другимъ заговорами. Вскорѣ Сигизмундъ Кестутьевичъ былъ убитъ въ Трокахъ во своемъ дворцѣ, въ 1440 году (Бестужевъ-Рюминъ „Рус. Ист.“, т. II, стр. 48).

Въ прямую противоположность своему великому брату Сигизмундъ поддался польскимъ вліяніямъ и унизилъ Великое Княжество Литовское.

Литовскіе-же бояре, склонившіеся на его сторону быть можетъ и подъ обаяніемъ имени его Великаго брата, вскорѣ-же увидѣли свою ошибку, но поздно. Руководствуясь

личными своими интересами, они, вопреки завѣтовъ Витовта Великаго, поддались польскому обольщенію и размѣняли общегосударственную политику Великаго Княжества Литовскаго на политику „провинціальнаго патріотизма и самолюбія“, очевидно вовсе не подозрѣвая, на какой опасный путь они ставятъ судьбы Великаго Княжества и народа Литовскаго.

* * *

Говоря и преемникахъ Витовта Великаго, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели этотъ незаурядный политикъ обошелъ предъ своей смертью молчаніемъ вопросъ о своемъ замѣстителѣ. Боровшійся всю жизнь съ неотступными притязаніями Поляковъ, онъ не могъ не думать о послѣдующихъ судьбахъ Великаго Княжества. Въ то-же время онъ хорошо зналъ характеры и способности возможныхъ претендентовъ, а поэтому вопросъ о преемникѣ долженъ былъ глубоко тревожить его.

Отвѣтъ на этотъ серьезный вопросъ даютъ древніе хронисты: Długosz (1415—1480) въ своей „Historia Poloniae“ и Kromer (1512 — 1589) въ „Polonia“. Długosz увѣряетъ, что Витовтъ Великій, умирая, поручилъ Великое Княжество Литовское королю Ягайлѣ. Kromer же говоритъ, что Витовтъ Великій, собравъ предъ своей смертью знатнѣйшихъ пановъ и бояръ, *объявилъ своимъ преемникомъ Свитригайлу* (Авг. Коцебу „Свитригайла, вел. кн. Литовскій“, 1835 г. стр. 75).

Свидѣтельство Длугоша представляется неправдоподобнымъ уже потому, что Литовскіе и Русскіе паны и бояре *единодушно, очевидно, въ согласіи съ предсмертной волей Витовта Великаго* избрали Свитригайлу, несмотря на то, что были другіе вѣскіе претенденты, какъ родной братъ Витовта Сигизмундъ и внукъ Ольгерда Кіевскій князь Олелько (Александръ) Владиміровичъ.

Сигизмундъ и Олелько были болѣе пріятны и болѣе желательны Ягайлѣ, какъ замѣстители Витовта. Къ Свитригайлѣ-же Ягайла не питалъ дружественныхъ чувствъ и побаивался его, въ чемъ Ягайла вскорѣ убѣдился.

Едва лишь умеръ Витовтъ, Поляки захватили Подолію, тогда Свитригайла *задержалъ въ Вильнѣ Ягайлу въ качествѣ плѣнника* и позволилъ ему выѣхать только тогда, когда Ягайла далъ обѣщаніе вернуть Подолію Литвѣ.

Но Ягайла, какъ обычно, и тутъ поступилъ коварно.

Посылая приказъ польскому коменданту гор. Каменца очистить Подолію, онъ скрылъ въ восковой свѣчѣ другой *тайный* приказъ тому-же коменданту не уходить изъ Каменца.

Вернувшись-же изъ Вильны въ Краковъ, Ягайла велѣлъ немедленно собрать Сеймъ въ Сендомірѣ и объявилъ на Сеймѣ, что „Польша не можетъ признать Свитригайлу Великимъ Княземъ Литовскимъ, потому что Великое Княжество навсегда присоединено къ Польшѣ, а *Свитригайла, законный наслѣдникъ Ольгерда, никогда не изъявлялъ на это своего согласія*" (Авг. Коцебу „Свитригайла великій князь Литовскій", 1835 г., переводъ съ нѣмецкаго, стр. 77—79, по данным Кенигсбергскаго Секретнаго Архива, № XII).

Съ увѣренностью можно сказать, что Витовтъ Великій, зная твердое настроеніе Свитригайлы, желалъ имѣть своимъ преемникомъ именно его, а не малодушнаго и неуравновѣшеннаго своего брата Сигизмунда.

* * *

Въ жизнеописаніи Витовта Великаго было-бы значительнымъ пробѣломъ, если-бы пройти молчаніемъ *предложеніе ему Чешской Короны.*

Чешскіе Гусситы въ упорной борьбѣ за свою національную независимость и за свободу вѣры обратились въ 1419 году къ Витовту Великому съ предложеніемъ ему Чешской Короны.

Это предложеніе ставило Витовта въ очень затруднительное и щекотливое положеніе.

Согласиться нельзя было и отказаться неудобно.

Императоръ Сигизмундъ, воевавшій съ Гусситами, относился къ Витовту дружески, а Ягайлу очень не любилъ. Принять предложеніе Гусситовъ значило возстановить про-

тивъ себя императора и тѣмъ усилить положеніе Ягайлы, который, подъ вліяніемъ Збигнѣва Олесницкаго, и у себя въ Польшѣ принималъ суровыя мѣры противъ Гусситовъ и въ помощь императору Сигизмунду посылалъ въ Чехію воинскіе отряды для подавленія возстанія Гусситовъ, которые, какъ еретики, осуждены были Констанцскимъ Соборомъ (Бант.-Каменскій „Ист. Мал. Руси", ч. I, стр. 53 — 54).

Не желая вооружать противъ себя императора, Витовтъ Великій не находилъ возможнымъ идти въ данномъ дѣлѣ противъ Ягайлы и противъ р.-католической церкви, требовавшей суровыхъ мѣръ противъ еретиковъ-Гусситовъ.

Тогда *Витовтъ рѣшилъ обсудить предложеніе Гусситовъ совмѣстно съ Ягайлой* (Любавскій „Очеркъ Исторіи Литовско-Русск. Госуд.", стр. 65).

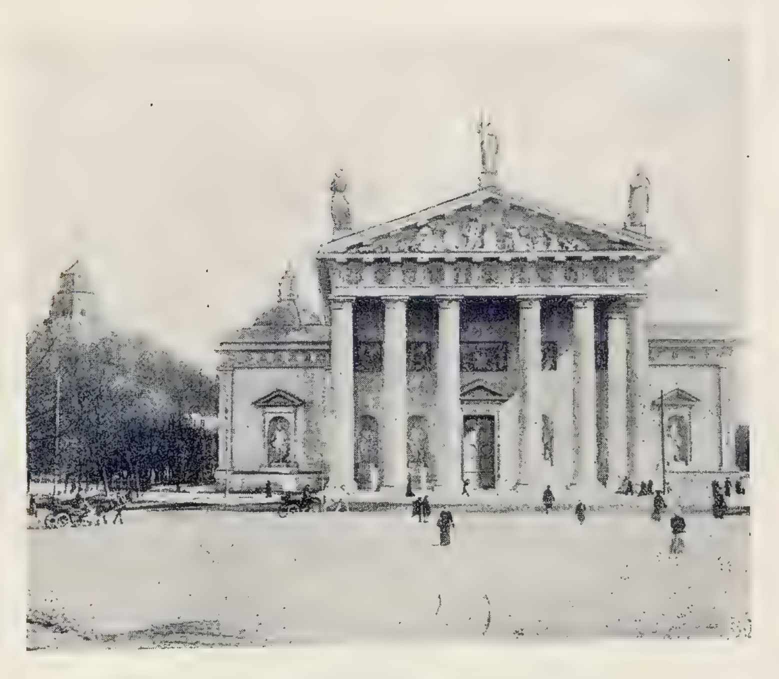
Конечно, предложеніе было отклонено, — политическая атмосфера вокругъ имени Гусситовъ была очень сгущена...

Но интересы Великаго Княжества Литовскаго и политическіе планы Витовта Великаго не могли ограничиться отклоненіемъ предложенія Гусситовъ. Витовтъ Великій находилъ необходимымъ оказать Гусситамъ моральную поддержку въ борьбѣ ихъ за національную и религіозную свободу. Онъ послалъ въ Чехію родственника своего князя Зигмунта Корибута, сына убитаго въ 1399 году при р. Ворсклѣ въ битвѣ съ Татарами князя Дмитрія-Корибута Ольгердовича, бывшаго князя Новгородъ-Сѣверскаго и Брянскаго.

Зигмунтъ Корибутъ вмѣстѣ съ вождемъ Гусситовъ Прокопомъ все время принималъ участіе въ борьбѣ Гусситовъ.

Витовтъ Великій и его преемникъ Свитригайла поддерживали постоянную связь съ Чешскими Гусситами.

Въ началѣ 1432 года Ягайлѣ удалось перехватить два письма Свитригайлы въ Чехію на имя Зигмунта Корибута и Прокопа. Копіи этихъ писемъ, писанныхъ на Богемскомъ языкѣ, Ягайла переслалъ Императору Сигизмунду, какъ доказательство сношеній Свитригайлы съ Гусситами, съ цѣлью возстановить императора противъ Свитригайлы. Императоръ переслалъ эти копіи Свитригайлѣ.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ ВЪ ВИЛЬНѢ, ГДѢ ПОКОИТСЯ ПРАХЪ ВИТОВТА ВЕЛИКАГО.

Въ томъ-же 1432 году 29 апрѣля Свитригайла въ письмѣ изъ Новогрудка къ Магистру Прусскаго Ордена между прочимъ говоритъ, что „Зигмунтъ Корибутъ и Прокопъ и всѣ старѣйшины Гусситовъ обѣщали признавать его враговъ за своихъ враговъ и его союзниковъ за своихъ союзниковъ“ (Авг. Коцебу „Свитригайла вел. кн. Литовскій“, стр. 81, Кенигсбергскаго Секр. Архива № XIV и № XX).

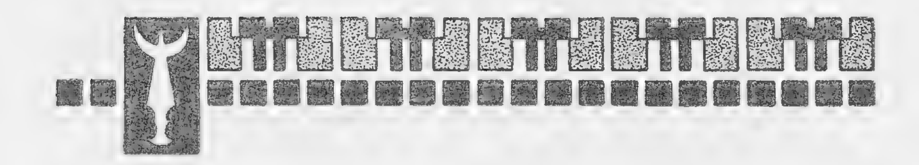
Въ томъ-же 1432 году 17 декабря Свитригайла посылаетъ изъ Вишнева своего „любезновѣрнаго“ Ноствица въ Богемію къ Корибуту и Прокопу съ тайнымъ словеснымъ порученіемъ (ibidem).

Но въ 1433 году „полководцы Свитригайлы: *Корибутъ*, Острогъ и Носсъ завладѣли Подоліей и Волынью“ (ibidem). Бозстаніе Гусситовъ приняло другое теченіе, и Зигмунтъ Корибутъ выѣхалъ изъ Чехіи.

И дѣйствительно, 1 февраля 1436 года императоръ Сигизмунтъ („въ XXIX лѣто Венгерскаго королества, въ XVI лѣто Римскаго королевства, въ XVI лѣто Богемскаго королевства, — имперіею-же въ III лѣто“) пишетъ Свитригайлѣ письмо и приглашаетъ его прибыть въ Богемію, въ Прагу „ко дню св. Георгія“, при чемъ говоритъ: „готовы мы оказать вамъ помощь и тѣмъ удобнѣе учинить то можемъ *теперь, когда Всемогущему угодно было паки покорить оружію нашему воинственный Богемскій народъ* (idibem, стр. 214—217, Кенигсб. Секр. Арх. № 59).

Слѣдовательно, въ 1435 году возстаніе Гусситовъ было подавлено.

Въ м. январѣ 1435 года сынъ Великаго Князя Сигизмунда Кестутьевича Михаилъ разбилъ при „Свіантѣ“ (Wijuk Kojałowicz „Hist. Lituaniae“) войско Свитригайлы и взялъ въ плѣнъ до 40 именитыхъ плѣнниковъ, между ними Богемцевъ и Силезцевъ, въ томъ числѣ и раненнаго Зигмунта Корибута. Сигизмундъ Кестутьевичъ велѣлъ „однихъ плѣнниковъ зарѣзать, другихъ утопить, иныхъ отравить ядомъ; не пощадилъ и брата своего *(племянника)* Зигмунта Корибута, — велѣлъ растравить раны, полученныя имъ въ сраженіи“ (Бант.-Каменскій „Исторія Мал. Руси“, ч. I, стр. 65).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Образовательный уровень Витовта Великаго. Семейное его положенiе. Общая характеристика его личности и бѣглый обзоръ его дѣятельности въ различныхъ областяхъ государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго: политической, дипломатической, нацiональной, экономической и религiозной.

Витовтъ Великiй по своему времени былъ человѣкъ образованный. Онъ имѣлъ достаточныя научныя свѣдѣнiя въ доступныхъ той эпохѣ предѣлахъ. Былъ любознателенъ. Кромѣ литовскаго и русскаго языковъ, зналъ языки нѣмецкiй и латинскiй, а также, можно думать, отчасти и чешскiй. Глубокiй умъ его позволялъ ему самостоятельно и быстро разбираться въ обстоятельствахъ и оцѣнивать послѣдствiя. (Смирновъ „Ягайла-Яковъ-Владиславъ", 1868 г. стр. 115, на основанiи дневника рыцаря Кибурга 1397; Барбашевъ „Витовтъ и его политика", гл. I, стр. 14 примѣч. 52).

Это тѣмъ интереснѣе отмѣтить, что Ягайла, при избранiи его въ Польскiе короли, зналъ только литовскiй и русскiй языки и былъ неграмотенъ (Narbut).

На основанiи данныхъ лѣтописей, хроникъ и другихъ документовъ устанавливается, что Витовтъ Великiй *трижды* былъ женатъ. Первая его жена была Юлiянiя княжна Гольшанская, изъ рода Гедимина Великаго.

Отъ нея Витовтъ имѣлъ дочь Софью, вышедшую въ 1390 году за Великаго Князя Московскаго Василія II Дмитріевича. По свидѣтельству нѣкоторыхъ хроникъ и лѣтописей, отъ нея-же у Витовта было двое сыновей, убитыхъ въ Пруссіи крестоносцами въ 1392 году. Нѣкоторые историки склонны отрицать, что у Витовта вообще были сыновья, такъ какъ въ нѣмецкихъ хроникахъ о нихъ не упоминается. Поэтому вопросъ о сыновьяхъ Витовта Великаго пока остается открытымъ и ждетъ точныхъ научныхъ изслѣдованій.

Вторая жена Витовта, упоминаемая уже въ 1382 году, была Анна, дочь Смоленскаго князя Святослава. Позже она упоминается въ 1392 году, въ договорѣ Витовта съ Ягайгой; въ 1398 году при Салинскомъ договорѣ Витовта съ Великимъ Магистромъ Прусскаго Ордена Конрадомъ Валенродомъ, еще позже, въ началѣ уже XV вѣка, Великая Княгиня Анна упоминается по поводу постройки ею двухъ православныхъ церквей въ г. Брестѣ ранѣе 1412 года, когда объ этихъ церквахъ впервые упоминается. Дѣтей она не имѣла.

Третья жена Витовта Марія, дочь князя Стародубскаго Андрея, также бездѣтная. („Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей", т. III; „Исторія Русской Церкви" Макарія, т. IV, ч. I, II и V; Балинскій „Starożytna Polska", t. III, p. 725 и проч.).

Освѣщеніе личности и дѣятельности Витовта Великаго было бы неполнымъ, если не коснуться характеристики эпохи того періода. Жизнь Витовта Великаго протекала именно въ эпоху борьбы двухъ культуръ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ: Восточно-Византійской и Европейско-Польской. Подъ вліяніемъ Восточно-Византійской культуры, проникавшей съ давнихъ временъ въ земли, образовавшія Великое Княжество Литовское, въ томъ числѣ и въ глубь Литвы, возникало мощное Великое Княжество временъ Миндовга, Тройната, Войшелга, Тройдена, Витеня, Гедимина, Ольгерда, Кестута и Витовта.

Ягайла, ставши королемъ Польскимъ, открылъ путь на Литву Западно-Польской культурѣ, которая и начала просачиваться сюда. По смерти Витовта, уже при Сигизмун-

дѣ Кестутьевичѣ, подчинившемся польскому вліянію, она заняла въ Литвѣ доминирующее положеніе и наложила печать на дальнѣйшія судьбы Великаго Княжества Литовскаго.

Иные историки хотѣли-бы видѣть въ этой борьбѣ культуръ собственно борьбу двухъ началъ въ Литвѣ: русскаго и польскаго. Но такой взглядъ кажется просто „патріотической“ натяжкой и, если могъ-бы быть принятъ, то только съ большой оговоркой. Вѣдь суть культурныхъ началъ жизни нужно искать глубже внѣшнихъ національныхъ вліяній, — она глубоко коренится въ самой природѣ націи, въ основахъ національной души.

Восточно-Византійская культура *мирнымъ путемъ* стала проникать на Литву очень рано, — съ первыхъ вѣковъ христіанства, а быть можетъ и ранѣе, благодаря торговымъ сношеніямъ Литвы съ Востокомъ, съ Греками и Арабами, по историческимъ „воднымъ путямъ изъ Варягъ въ Греки“. Пути эти съ древнихъ временъ шли изъ Чернаго въ Балтійское море по системамъ рѣкъ: Днѣпра, Буга, Нѣмана и Двины съ притоками ихъ Припетью, Пиной, Мухавцемъ, Наревомъ, Березиной, Щарой, Яцольдой, Виліей-Нерисомъ, Швентой (Святой) и др. По берегамъ этихъ рѣкъ греческіе и арабскіе купцы („гости“) строили свои городки и факторіи для торговли, склада товаровъ для зимовли. Между Литвой и купцами шелъ оживленный обмѣнъ. Литва сбывала дорогой на Востокѣ Балтійскій янтарь, хлѣбъ (его въ Литвѣ и тогда было много), кожи и разное сырье, а получала главнымъ образомъ желѣзныя издѣлія: серпы, косы, топоры и проч. Само собой происходило взаимное ознакомленіе, — Литовцы присматривались къ высшему быту и обычаямъ Грековъ и Арабовъ и кое-что перенимали. Отношенія были мирныя. Греки — „гости“ прокладывали для торговыхъ сношеній даже дороги — „гостинцы“ вглубь страны. Такимъ образомъ зачатки Восточно-Византійской культуры въ теченіи многихъ столѣтій проникали мирно въ Литву. Съ принятіемъ Русью христіанства въ концѣ X вѣка, а особенно со времени начавшагося въ XII вѣкѣ объединенія Литовскихъ племенъ въ одинъ государственный организмъ, вліяніе Восточно-Византійской культуры въ Литвѣ усилилось.

Этому много способствовало раннее сближенiе и путемъ браковъ родство Литовскихъ князей, а отчасти и бояръ, съ русскими князьями и боярами. Кромѣ того, Литва и Русь вѣками сжились между собой въ одинаковыхъ бытовыхъ условiяхъ, въ территорiальной близости, а иногда и въ совмѣстномъ жительствѣ. До принятiя-же Русью христiанства, ихъ сближала древняя религiя, которая на Литвѣ и въ Руси немногимъ отличалась одна отъ другой. Въ виду всего этого *можно лишь сказать*, что въ послѣднiя столѣтiя — въ XI, XII, XIII, XIV вѣкахъ — Восточно-Византiйская культура шла въ Литву *черезъ Русь*. Свободное усвоенiе этой культуры Литвой могло показывать лишь то, что культура эта болѣе сродна нацiональной душѣ Литвы, чѣмъ культура Западно-польская, потому что по самой природѣ своей Литовская душа глубже, цѣльнѣе и многограннѣе души польской. И потому еще, что Прусскiй и Ливонскiй Ордена пробовали насаживать въ Литвѣ западную культуру такъ болѣзненно, — огнемъ и мечомъ. Очевидно, западная культура принималась такъ болѣзненно не потому только, что она грозила нацiональнымъ чаянiямъ народа, но быть можетъ именно потому, что она не соотвѣтствовала духу народа: замкнутый въ себѣ литовецъ подъ печальный гулъ своихъ вѣковыхъ лѣсовъ искалъ внутри себя разрѣшенiя своихъ думъ, — ему противенъ былъ блескъ жестокаго рыцаря, не по душѣ ему была и лицемѣрная любезность словоохотливаго поляка.

Сдвигъ въ борьбѣ культуръ въ пользу Западной обнаружился еще во второй половинѣ великокняженiя Витовта Великаго. Не этимъ-ли слѣдуетъ объяснить нѣкоторую нерѣшительность Витовта, проявленную имъ въ послѣднiе годы его жизни въ борьбѣ съ Польшей за независимость Литвы, — онъ въ мысляхъ своихъ какъ будто все прислушивался къ тому, что скажутъ тамъ, въ Европѣ. Поэтому быть можетъ и правъ Батюшковъ, говоря: „Витовтъ понималъ величiе въ западномъ вкусѣ и не могъ отдѣлаться отъ соблазна западной гражданственности съ рыцарствомъ и другими приманками“ („Бѣлорусь и Литва“, стр. 98). „Поэтому“, говоритъ далѣе Батюшковъ, „великiе силы

ума и воли, которыми обладалъ этотъ замѣчательный государь, оказались впослѣдствіи малоплодными". (Бестужевъ-Рюминъ „Русская Исторія", т. II, стр. 37; Проф. Дашкевичъ „Борьба культуръ и народностей", стр. 295).

Проф. Платоновъ („Лекціи по Русск. Исторіи", стр. 137) говоритъ: „Все княженіе Витовта наполнено блестящими дѣлами Литовскй политики, но вмѣстѣ съ тѣмъ Польша все больше и больше пріобрѣтала вліянія на Литву".

Дм. Бантышъ-Каменскій въ „Исторіи Малыя Руси" (ч. I, гл. VI, стр. 57—58) даетъ такую личную характеристику Витовта Великаго. „Витовтъ, славнѣйшій тогда изъ государей Сѣверной Европы, былъ для Россіи ужаснѣе Ольгерда, своими завоеваніями стѣснивъ предѣлы ея на югѣ и на западѣ. Въ тѣлѣ маломъ вмѣщалъ душу великую; умѣлъ пользоваться случаемъ и временемъ, повелѣвать народомъ и князьями, награждать и наказывать. За столомъ, въ дорогѣ, на охотѣ занимался дѣлами, обогащая казну войною и торговлею, собирая несмѣтное множество серебра, золота, расточалъ оныя щедро, но всегда съ пользой для себя.

Въ пирахъ отличался трезвостью и подобно Ольгерду не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меда, но любилъ женъ и не рѣдко, оставляя рать въ полѣ, обращалъ коня къ дому, чтобы летѣть въ объятія молодой супруги. Съ нимъ, по словамъ Длугоша, возсіяла и затмилась слава народа Литовскаго къ счастію Россіи, которая, без сомнѣнія, погибла-бы на вѣки, если-бы Витовтовы преемники имѣли его умъ и славолюбіе" (Długosz „Historia Poloniae", t. XI, p. 559; Карамзинъ „Истор. Госуд. Рос.", т. V, стр. 152).

Профессоръ Любавскій въ „Очеркъ Исторіи Литовско-Русск. Государства" (гл. X, стр. 58) такъ опредѣляетъ Витовта Великаго, какъ политика и дипломата: Внутреннее усиленіе Великаго Князя Литовскаго, предъ которымъ покорно склонились всѣ уцѣлѣвшіе князья, въ свою очередь повело къ значительнымъ успѣхамъ во внѣшней политикѣ и *подняло престижъ Великаго Княжества при Витовтѣ на небывалую дотолѣ высоту*. Въ 1428 г. Витовтъ объѣзжалъ Великое Княжество. Въ дорогѣ присоединился шутъ его Гей-

не, состоявшій тайнымъ агентомъ Ордена. Съ дороги онъ тайно послалъ Великому Магистру письмо, въ которомъ между прочимъ писалъ: „Знайте еще, что у Великаго Князя были и посольства изъ Великаго Новгорода, Москвы, Смоленска и постоянно все пріѣзжаютъ къ нему послы: отъ Татарскаго хана, отъ Турецкаго султана и отъ многихъ другихъ христіанскихъ и нехристіанскихъ князей. Пріѣзжаютъ они съ богатыми подарками, — трудно было-бы всѣ ихъ описать, разскажу о томъ устно, когда возвращусь."

Политическій геній Витовта Великаго успѣлъ такъ высоко поднять значеніе Великаго Княжества предъ лицомъ всей Европы!

Профессоръ Барбашевъ въ своемъ трудѣ „Витовтъ и его политика" (стр. 130) даетъ такую сводку дипломатическихъ ходовъ Витовта: „Вообще, стараясь создать внутреннюю силу Великаго Княжества Литовскаго уничтоженіемъ удѣловъ и уравненіемъ правъ всѣхъ подданныхъ безъ различія національности и вѣры, Витовтъ *стремился пріобрѣсти и внѣшнее могущество и перевѣсъ надъ сосѣдями, не допуская ихъ до совмѣстныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Литвы.* Поэтому онъ не только успѣвалъ во время примириться съ однимъ сосѣдомъ, чтобы обратиться на другого, но не рѣдко дѣлалъ изъ перваго усерднаго себѣ союзника противъ второго. Покончивъ въ послѣднимъ, онъ опять вступалъ въ борьбу съ первымъ только что помогавшимъ ему союзникомъ.

То, что Витовтъ сдѣлалъ съ Орденомъ, поддерживавшимъ его въ войнахъ съ Русью, *предстояло ему сдѣлать и съ Польшей,* при помощи которой сломлена была сила рыцарей".

Витовту Великому *и удалось много сдѣлать съ Польшей, но не все... На время своей жизни* онъ далъ Великому Княжеству самостоятельность и силу, но и на будущее время, послѣ себя, обезпечилъ ему *особыхъ* великихъ князей. Окончательно-же отгородить Литву отъ Польши не успѣлъ.

Этому помѣшали: 1) „Западная гражданственность съ ея рыцарствомъ и разными приманками" и 2) та новая сила

моральнаго воздѣйствія, на которую опирался Збигнѣвъ Олесницкій.

Эти двѣ силы *по духу того времени* связывали могучій геній Витовта Великаго и сдерживали его отъ рѣшительнаго отпора польскихъ притязаній.

Поэтому не во внѣшнихъ препятствіяхъ, которыхъ Витовту Великому нечего было опасаться, а въ духовной его структурѣ и въ духовныхъ переживаніяхъ нужно искать причины того, почему Витовтъ Великій сдѣлалъ съ Польшей *не все*. Онъ былъ истиннымъ сыномъ благороднѣйшаго рыцаря Кестута не только по плоти, но и по духу. Отвага и скромность иногда уживаются между собою. Кестутъ добровольно уступаетъ великокняженіе старшему брату Ольгерду. Витовтъ, не смотря на вѣроломство Ягайлы, считается съ нимъ, какъ со старшимъ братомъ и съ негодованіемъ отвергаетъ предложеніе поляковъ взять при жизни Ягайлы польскую корону. Во вторыхъ, Витовта связывала та новая моральная сила, которой такъ пользовался Збигнѣвъ Олесницкій. Литовскіе бояре раздѣлены были на двѣ категоріи: со всѣми правами и безъ правъ. Витовтъ стоялъ между двухъ теченій. Сознаніе государственныхъ интересовъ влекло его на путь вѣротерпимости, но вѣротерпимость его была не по духу боярамъ католикамъ, разстраивала планы поляковъ и ставила въ подозрѣніе католическую твердость его самого. По необходимости приходилось дѣйствовать съ особой осторожностью и при томъ полумѣрами. Поэтому-то и получается такое странное противорѣчіе въ оцѣнкѣ національно-политической дѣятельности Витовта Великаго. Нѣкоторые польскіе историки, напримѣръ, Prochazka (въ „Ostatnie lata Witolda"), говоритъ, что „Витовтъ избѣгалъ даже мысли объ отдѣленіи Литвы отъ Польши", а напротивъ, русскіе и нѣмецкіе историки говорятъ, что вся дѣятельность Великаго Князя Витовта направлена была къ этой цѣли".

Витовтъ Великій выявилъ глубокое разумѣніе Литовской національной идеи и съумѣлъ настолько объединить всѣ народности Великаго Княжества, что всѣ считали Витовта „*своимъ*". Каро говоритъ, что „Витовта считали *своимъ* и католики и православные, язычники-же думали, что

въ немъ не угасъ духъ предковъ" (Проф. Платоновъ „Лекціи"... стр. 137). Тѣсное сплоченіе всѣхъ частей государства безъ различія національнаго происхожденія и вѣры было основнымъ мотивомъ государственной дѣятельности Витовта. Поэтому, напримѣръ, русскіе полки Витовта, какъ въ борьбѣ его съ Ягайлой послѣ смерти Кестута, какъ въ борьбѣ съ Прусскимъ Орденомъ, какъ въ походѣ на Татаръ, — *такъ* и въ войнахъ его съ Москвой плечо о плечо съ Аукштайтскими и Жемайтскими полками доблестно сражались подъ знаменемъ Литовскаго Витязя, во славу своего Господаря Великаго Князя Витовта.

Вѣротерпимость свою Витовтъ Великій доказывалъ на дѣлѣ. Строилъ и католическіе и православные храмы. Давалъ грамоты и земельныя угодія духовенству тѣхъ и другихъ. Пріютилъ гонимыхъ въ другихъ странахъ евреевъ и дарилъ ихъ правами. Принималъ гонимыхъ въ Чехіи и Польшѣ „гусситовъ" и надѣлялъ ихъ правами и землей, предоставляя имъ свободу вѣры. Также поселилъ въ Литвѣ татаръ магометанъ, давая имъ права и землю (Caro „Geschichte Polens". t. III, 441; „Архивъ юго-западной Россіи", ч. I, т. IV, 597; „Дополненія къ Актамъ Историч.", т. I, стр. 332, 338; Барбашевъ „Витовтъ и его политика", стр. 9; и др.).

Нѣкоторые русскіе историки говорятъ, что Витовтъ ограничилъ права Литовскихъ православныхъ епископовъ, но это не совсѣмъ такъ.

До введенія въ Литвѣ р.-католичества, православные епископы, кромѣ духовныхъ своихъ дѣлъ, принимали участіе и въ государственныхъ дѣлахъ, а въ судахъ епископъ былъ первенствующимъ членомъ („Исторія Полотска", Ив. Бѣляева, книга IV, ч. I, стр. 191 и дал.). Доказательство находимъ въ „Грамотѣ XIII вѣка Полоцкаго православнаго епископа Іакова въ Ригу". Въ Грамотѣ епископъ Іаковъ называетъ Великаго Князя Литовскаго Витеня „сыномъ своимъ". Витень жилъ и умеръ язычникомъ, слѣдовательно епископъ называетъ его „сыномъ" не въ духовномъ смыслѣ, а *по своему политическому значенію* („Ливонскіе Акты", № 38).

Со введеніемъ въ Литвѣ р.-католичества, католическіе епископы заняли государственное положеніе, а православ

ные епископы остались при своихъ духовныхъ дѣлахъ. Слѣдовательно, это вызвано событіемъ крещенія Литвы въ католичество, которое стало здѣсь господствующей религіей, — но вовсе не было мѣропріятіемъ Витовта.

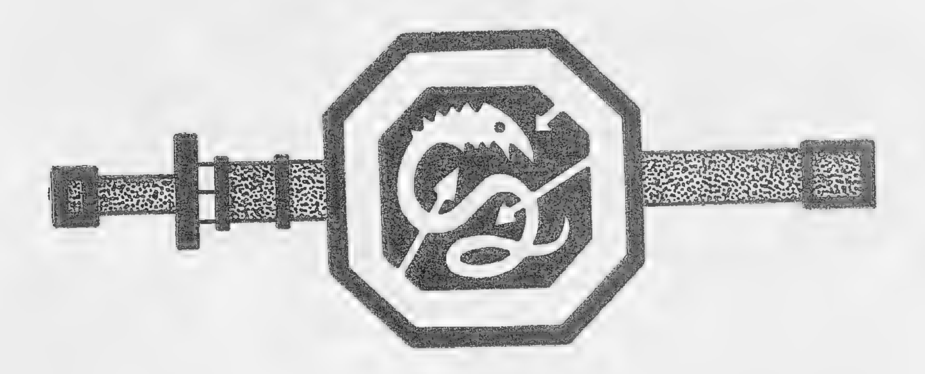
Напротивъ, Витовтъ учредилъ въ Литвѣ православную Митрополію и дважды посылалъ къ Константинопольскому Патріарху кандидата для посвященія въ митрополиты, — сначала Полоцкаго епископа Феодосія, а потомъ племянника митрополита Московскаго Кипріяна — Григорія Цамблака. Подъ вліяніемъ Москвы патріархъ оба раза отказалъ, — тогда только Витовтъ велѣлъ собрать въ Новогрудкѣ Соборъ Православныхъ епископовъ и Соборомъ посвятить Григорія Цамблака въ митрополиты. По этому поводу Витовтъ даже издалъ особую Грамоту, въ которой говоритъ: „....пусть люди не говорятъ со стороны, — государь не той вѣры, оттого и церковь оскудѣла“ (Caro „Geschichte Polens“, t. III, p. 441; Васильевскій „Очерки гор. Вильны“, стр. 20). При этомъ Витовтъ велѣлъ объявить Виленскій Пречистенскій Соборъ „Митрополитальной Кафедрой“. По его же повелѣнію Новогрудскій Соборъ епископовъ составилъ церковно-каноническій кодексъ правилъ подъ названіемъ „Ярославовъ Свитокъ“, который и былъ утвержденъ Витовтомъ.

Витовту нѣкоторые историки приписываютъ мысль объ уніи православной церкви съ католической, но это говорится безъ основаній и доказательствъ.

Напротивъ, Витовтъ мечталъ о созданіи въ Литвѣ *единой независимой національной церкви безъ раздѣленія на православныхъ и католиковъ.*

Эта мысль, возникшая, можно думать, подъ вліяніемъ бывшаго въ 1413 году въ Вильнѣ Іеронима Пражскаго (единомышленника Яна Гуса), находилась въ связи *съ гусситскимъ движеніемъ, которому Великій Князь готовъ былъ подать руку,* и съ вопросомъ о реформахъ римско-католической церкви во главѣ и въ членахъ, къ чему склонялся и Констанцскій Соборъ, куда Витовтъ въ этихъ цѣляхъ и посылалъ литовскаго митрополита Григорія Цамблака. (Caro, Васильевскій, Макарій (ист. пр. ц.), Мих. Кояловичъ и др.).

Лучшимъ доказательствомъ вѣротерпимости Витовта служитъ свидѣтельство Митрополита Московскаго Св. Іоны, который, спустя уже 20 лѣтъ по смерти Витовта, въ посланіи къ Верейскому князю Михаилу Андреевичу жалуется на Вышеградское Соборное духовенство и горожанъ, обидѣвшихъ митрополичьяго десятника: „Не невѣдомо же тобѣ, моему сыну, и се, что *Князь Великій былъ Витовтъ... и не нашое вѣры*, также и княжата и панове тоя вѣры, воспроси, каково береженіе даютъ и какову честь держатъ? А сіи православные христіане будуче, а наругаются и безчествуютъ церковь Божію и насъ“ („Акты Историческіе“, т. I, стр. 99; Барбашевъ „Витовтъ и его политика“, гл. I, стр. 134, I примѣч). Для начала XV вѣка, когда вѣроисповѣдный вопросъ въ Европѣ принималъ очень острыя формы, вѣротерпимость Витовта Великаго была исключительной и потому привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе.

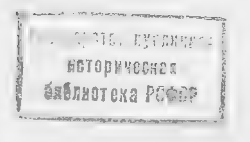
* * *

Посильный нашъ малый очеркъ Исторіи Витовта Великаго оконченъ.

Вѣримъ, что 500-лѣтіе смерти этого замѣчательнаго Великаго Князя Литовскаго вызоветъ серьезныя научныя историческія изслѣдованія какъ характера эпохи, такъ и обстоятельствъ жизни и дѣятельности этого Великаго Литовца. Его личность, отношенія его къ тѣмъ или другимъ актамъ, а равно и къ событіямъ его времени ждутъ цѣльнаго и всесторонняго освѣщенія. Всякій серьезный трудъ о Витовтѣ Великомъ есть дорогой вкладъ въ Исторію Литовскаго народа.

Счастливы будемъ, если нашимъ малымъ трудомъ внесемъ посильную лепту въ національную сокровищницу памяти Великаго Мужа Литовской Земли.

I. K.

УКАЗАТЕЛЬ ПОСОБІЙ-ИСТОЧНИКОВЪ ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВИТОВТА ВЕЛИКАГО.

1. С. Соловьевъ „Исторія Россіи" (1860 г.) т. III и IV.
2. Карамзинъ „Исторія Госуд. Россійск.", т. V.
3. Дм. Бантышъ-Каменскій „Исторія Малыя Руси", кн. I. изданія 1818 и 1830 годовъ.
4. Бестужевъ-Рюминъ „Русская Исторія", 1875 г. т. II.
5. Макарій „Исторія Церкви Россійск.", т. IV и V.
6. Проф. Любавскій „Очеркъ Исторіи Литовско-Русск. Госуд.".
7. Киркоръ „Историко-статист. описаніе Вильны", 1854 г.
8. Боричевскій „Православіе въ Литвѣ", 1851 г.
9. Иловайскій „Исторія Россіи", т. II.
10. Смирновъ „Ягайло-Яковъ Владиславъ", 1868 г.
11. Васильевскій „Описаніе гор. Вильны", 1872 г.
12. Проф. Ив. Бѣляевъ „Исторія Полотска", кн. IV, ч. I, 1872 г.
13. Проф. А. Барбашевъ „Витовтъ и его политика", 1885 г.
14. Проф. Дашкевичъ „Литовско-Русск. Госуд.", 1883 г.
15. Батюшковъ „Бѣлоруссія и Литва", 1890 г.
16. Проф. Мих. Кояловичъ „Чтеніе по Исторіи Западн. Руси".
17. Проф. Антоновичъ „Монографіи", т. I, 1878 г.
18. Проф. Дашкевичъ „Борьба культуръ и народностей".
19. Проф. С. Платоновъ „Лекціи по Русск. Исторіи", 1909 г.
20. Архим. Іосифъ „Остробрамская Икона Б. М. въ Вильнѣ", 1890 г.
21. „Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей", изд. 1846 г. т. III, VIII и XVII.
22. „Акты Историческіе, собранные и изданные С.-Петерб. Археографич. Комиссіей", т. I до XV вѣка включительно, изд. 1841 года.
23. „Дополненія къ Актамъ Историческимъ" (съ документами XII—XVII вѣковъ), т. I, изд. 1844 г.
24. „Архивъ Югозападной Россіи", т. IV.
25. „Памятники Русской Старины въ Западн. губ.", т. V и VIII.
26. „Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ Вильны, Ковны и др.", ч. I.
27. „Никоновская лѣтопись", составл. въ XVI вѣкѣ, изд. въ 1788 г., т. IV.
28. "Лѣтопись Быховца", изд. въ 1842 г. Narbut'омъ въ „Pomniki do dziejów Litewskich".
29. „Акты Виленской Археографич. Комиссіи".
30. Jan Długosz (1415—1480) „Historia Poloniae", t. X, XI.
31. Wapowski (1450—1535) „Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego", t. I; изданіе Малиновскаго въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія.

32. Stryjkowski (1547—1580) „Cronica Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi", t. II.
33. Vijuk Kojałowicz (ковенчанинъ, iезуитъ) „Historia Lithuaniae", t. II, 1669.
34. De Solignac „Histoire generale de Pologne", t. III, 1750.
35. Caro „Geschichte Polens", t. III, 1840—1869 г. изданiя.
36. Voigt „Codex diplom. Prussiae", t. VI, 1837 г. изд.
37. „Scriptores rerum Prussicarum", t. II, III, издатели: Hirsch, Töppen, Strelke
38. Prochazka „Codex epistol. Vitoldi 1376—1430".
39. Prochazka „Ostatnie lata Witolda" 1882 г.
40. Narbut „Dzieje starożytniego narodu Litewskiego", t. V, VI, VII, IX, 1839.
41. Daniłowicz „Latopisiec Litwy".
42. Daniłowicz „Skarbiec dyplomatów", t. I, 1860.
43. Szajnocha „Jadwiga i Jagiełło", t. I, II, 1877.
44. Balinski „Starożytna Polska", t. III.
45. Stadnicki K. „Olgierd i Keistut", 1870.
46. Stadnicki K. „Synowie Gedymina", 1881.
47. Stadnicki K. „Bracia Władysława-Jagiełły".
48. Wolf „Ród Gedymina".
49. Lielewel „Dzieje Litwy i Rusi".
50. Яцимирскiй „Григорiй Цамблакъ".
51. А. Коцебу „Свитригайла вел. князь Литовскiй", 1835 г., переводъ съ нѣмецкаго.

Кромѣ этихъ, есть и много другихъ: Мѣховскiй (1456—1523 „Chronica regni Poloniae", 1521 г.; Кромеръ (1512—1589) „Polonia", 1589; Бѣльскiй (1540—1599) „Kronika Polska", изд. 1764 г. Затѣмъ еще: Ярошевичъ, Гаркнохъ, Дзялынскiй („Zbiór praw Litewskich"), Рачынскiй („Codex diplomaticus Lithuaniae"), Соколовскiй и Шуйскiй („Codex epistolaris" XV вѣка) и т. д.

Много цѣннѣйшихъ документовъ, освѣщающихъ древнюю исторiю Литвы, можно найти въ Архивахъ: Кенигсбергскомъ, Краковскомъ, Львовскомъ, Ватиканскомъ и въ хранилищахъ древнихъ католическихъ церквей и монастырей на Литвѣ и въ Польшѣ.

I. Корчинскiй.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

